

ДВОЕ СУТОК ДО РАЯ

ЕЛЕНА
ФЁДОРОВА

КНИГА ВОШЛА
В «СПИСОК
ЛИТЕРАТУРЫ»
RIDERÓ

Елена Фёдорова

Двое суток до рая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69563104
ISBN 978-5-0059-9917-7*

Аннотация

Увлекательная сага об ангелах и бесах охватывает события со времен эллинизма до настоящего момента. Вихрь происходящего захватил несчастную Соню, чтобы через смерть и испытания она узнала себя и поняла, чего хочет на самом деле. Корсунский крест и Велесов камень стали артефактами, к помощи которых прибегают сторонники темных и светлых сил в войне за наши души. И только человек владеет ценнейшим ресурсом, божьим даром – свободой воли.

Содержание

Пролог. Голова	5
Часть 1.	17
Глава 1.	17
Глава 2.	30
Глава 3.	38
Глава 4.	47
Глава 5.	55
Глава 6.	68
Глава 7.	89
Глава 8.	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Двое суток до рая

Елена Фёдорова

Редактор Артём Чумак

Дизайнер обложки Екатерина Шестернина

© Елена Фёдорова, 2024

© Екатерина Шестернина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-9917-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы все – божьи одуванчики.

Дунул ветер, и нет нас.

*Любые совпадения в тексте с реальными людьми, событиями,
организациями случайны.*

Пролог. Голова

Через сутки после начала погони они поняли, что потеряли след. Запах крови растаял в вечернем воздухе. Вокруг простирались безмолвные холмы, поросшие лишайниками и темным хвойным лесом. Пространство на многие дни пути было безлюдным. Близилась ночь. Расселина, в которую они спустились, преследуя добычу, быстро заполнялась холодным сумраком. Кое-где показались белые завитки тумана. Вдыхаешь его, и холод расползается по всему телу.

Мохнатые горы заслонили предзакатное солнце, и оно из последних сил золотило могучие хребты. За горами начиналось море, которое топило, баюкая, уставшее светило в зеленых волнах. Еще миг, и настанет ночь.

Одна из сестер опустилась на колени в колючую, мокрую от росы траву и принялась, как гончая. Она легла на землю и с шумом втянула воздух. Тонкие ноздри нервно трепетали от натужного дыхания, ее голая, совершенно белая спина поблескивала от пота. Руки и ноги были изодраны колючками и исхлестаны ветками в кровь. Они охотились, почти не делая привалов, сутки.

Еще раз понюхав воздух, она приложила ухо к земле и прислушалась, прикрыв глаза.

— Ушел. Я больше не чую его дыхания, — бесцветным голосом произнесла она. Горло от долгого бега пересохло, и го-

лос был похож на карканье.

Вторая, старшая сестра, в изнеможении привалилась к сосне. Она была ранена. Стрела того, за кем они гнались, попала ей в плечо. Пытаясь ее вытащить, она сломала древко, и теперь острый обломок торчал наружу, а кровь продолжала пропитывать кожаный доспех с металлическими шипами, струилась по коже, такой же неестественно белой, как у сестры. В сумерках кровавые ручейки казалась чернильно-черными ящерицами, бегущими по руке.

– Ищи змей, – прокаркала она в ответ.

– Их давно нет. Расползлись. Да и кровь из обрубка перестала капать. А если так, откуда взяться змеям?

Но сестра словно не расслышала вопроса. Она рассуждала вслух.

– Он не будет бесконечно блуждать в проклятых горах. Он запутывал следы, чтобы сбить нас. И сейчас его цель – выйти к морю или попасть в город.

– Так к морю или в город? Это разные дороги. Куда идти?

– К морю. Отрубленная голова – не тот товар, который запросто вынешь из мешка и выставишь на городском рынке. И втихаря ее не сбудешь – в полисе неминуемо поползут слухи. Нужен особый покупатель. И у него такой есть. Вряд ли в городе, риск слишком велик. Значит, он планирует уходить морем. Надо искать корабль, – последние слова походили на раздраженный птичий клекот, а не на человеческую речь.

– Кому понадобилась голова нашей сестры?

Раненая охотница не ответила. – Надо спешить, – прокаркала она.

Дорога к морю петляла в ночных горах. Она читалась на склоне холма даже в темноте, как след гигантского полоза, который проложил себе путь, извиваясь меж скал и пробиваясь сквозь чащу. Издалека сестры, бегущие по тропе, походили на белых букашек.

Одна – маленькая и худощавая, в сандалиях и короткой кожаной юбке, с голой грудью, покрытой татуировками, как кружевами, до самой шеи. Она перемещалась очень быстро, большими скачками, словно кузнечик. Ее так и называли – кузнечиком. Или следопытом.

И вторая – могучая, исполинского телосложения, в доспехах, вооруженная коротким копьем и кинжалом. От ее левого плеча вниз по руке бежали кровавые ящерицы.

Обе сестры были альбиносками с мраморно-белой кожей в синих прожилках татуировок и бешеными красными глазами. И обе дышали яростью.

Все случилось двадцать часов назад, когда никто из них не ждал нападения. Они загодя ушли в горы, так далеко от любого жилья, как только смогли. Их третья, младшая сестра была на сносях. Для нее рожать среди людей было очень, очень плохой затеей. Худшей из возможных.

Вчерашний день был таким же, как десяток предыдущих. Сестры отправились на охоту, оставив младшую в лагере,

у костра. Уходя, кузнечик обернулась на прощание, но никого не увидела – младшая пересела за скалу, прислонилась к ней спиной и задремала. Огромный живот вынуждал ее спать сидя. Она дремала, и ее веки слегка подрагивали, оставляя глаза закрытыми.

Незнакомец появился на поляне, как только негромкий разговор охотниц затих в лесу. Его шаг был легкий и невесом, словно он парил над землей, усыпанной сухими ветками и прошлогодней хвоей. Он неслышно обошел скалу, возле которой сидела младшая, и остановился справа от нее. Прислушался к ее ровному дыханию. Мягко улыбнулся. Поднял голову к небу и посмотрел на облака. Затем широко размахнулся – серп в его руке сверкнул на солнце – и плавным движением прошелся по горлу спящей. Удар был идеально выверен – острие серпа лишь жалобно царапнуло по шершавой скале.

Она не проснулась. Не успела открыть глаза. Не почувствовала боли и страха. Не издала ни единого звука. Просто не смогла в очередной раз вздохнуть. Ее кровь брызнула во все стороны, и голова скатилась к ногам незнакомца, обладавшего тихой поступью. Он вытащил припасенный мешок из грубой холстины и брезгливо засунул в него отрубленную голову. Низ мешка тут же потемнел, и багровые капли забарабанили по земле. Запахло кровью – остро ипряно. Убийца облизал губы и вытер рукой вспотевший лоб, убирая прилипшие темные кудри. Его красивое лицо портила само-

довольная ухмылка и холодные, пронзительные глаза.

Он разворошил костер и носком сандалии отбросил в сторону обугленную головешку. Костер задымил и недовольно зашипел, спугнув на дереве стаю птиц. Убийца поднял головешку, подул на пальцы и нарисовал на скале, возле которой, не меняя позы, продолжало сидеть мертвое тело, отвратительную физиономию.

На том месте, где только что была голова его жертвы, теперь скалилась чудовищная пасть.

К этому моменту сестры забрались высоко в гору. Следопыт вдруг остановилась. У нее отчего-то перехватило дыхание и тревожно застучало в левой стороне груди. Она перестала искать звериные следы в траве и посмотрела в небо, на стаю птиц, которая метнулась над лагерем. И на дым от костра, который снесло в сторону, хотя ветра не было.

– Внизу кто-то есть, возвращаемся, – коротко сказала она. – Бегом.

Сестры с шумом ввалились на поляну, не думая о том, что могут попасть в западню. Их гнал необъяснимый страх. Лагерь встретил охотниц тишиной и покоем – только потрескивал растревоженный костер и сильно пахло дымом и кровью. Возле скалы, за которой сидела младшая сестра, что-то копошилось в траве. Обе кинулись туда.

Следопыт первой увидела обезглавленное тело. Она завывала дико и страшно, по-звериному оскалив белые зубы, острые, как катана. Ее вой прервал свист стрелы, которая с трес-

ком ударилась о камни, никого не задев.

Первый раз стрелок промахнулся. Тут же засвистела вторая стрела и вонзилась в могучее тело старшей сестры, сильно качнув ее. Стрела глубоко впилась в ее плечо, задрожав коротким оперением. Обе сестры, как по команде, бросились на землю.

Дальше ему было опасно оставаться в засаде. План не оставлять никого в живых провалился. Сестры опомнятся и бросятся в погоню. Медлить нельзя. А все проклятые змеи, кишачие под ногами. Они нарушили его планы. Когда он стрелял в первый раз, что-то холодное проползло по его ноге и сбilo прицел. Он бросил быстрый взгляд вниз – там было полно маленьких красных гадюк с черными головами. Второй выстрел он сделал, почти не целясь – времени было в обрез.

– Проклятые альбиноски, демоново отродье, ничем вас не проймешь, – зло выругался охотник, подхватил мешок с отрубленной головой, острую серповидную гарпу и, стараясь не наступать на шипящих под ногами тварей, кинулся вниз по склону. Бежал, не разбирая дороги, но на удивление быстро и тихо, не производя ни малейшего шороха. Словно не бежал, а летел по воздуху, делая шаг за шагом, не касаясь земли. И не оставляя следов. Ищи ветра в поле.

Кровь из холщового мешка, в котором лежала отрубленная голова, продолжала течь. Капли падали на землю, но она их не принимала. Упав, капли набухали пузырями, лопа-

лись и оставляли вместо себя скрученную спиралью красную змею с черной головой.

Убийца этого не замечал. Он спешил к морю.

В лагере на поляне царила неразбериха. Следопыт носилась между сестрами – мертвой и раненой. Выть она перестала после того, как до крови прокусила собственную губу. Боль помогла прийти в себя. Обнаружив, что раненая сестра жива и не нуждается в помощи, следопыт кинулась искать голову убитой. Та продолжала сидеть, безвольно опустив руки и расслабленно прислонившись к скале. Головы не было.

Раненая сестра собирала оружие, не обращая внимания на стрелу в плече. Поморщившись от боли, она застегнула на поясе ножны, засунула в них короткий кинжал, надела щит на здоровое плечо и перебросила его за спину. Взяла копье, с которым ходила на охоту. И повернулась к следопыту:

– Голову ты не найдешь. Он пришел не только за ее жизнью, но и за головой. Это не просто казнь. Тут есть кое-что еще, – и она кивнула в сторону скалы, на которой скалилась нарисованная углем физиономия. – Не трать время на пустые поиски. Сестру не воскресить. Все, что мы можем сделать, это отомстить убийце. Я натяну его подлую шкуру на свой щит. Никто не посмеет сделать героя из того, кто казнил спящую беременную женщину. Он не мог уйти далеко, ты отыщешь след. Идем.

Следопыт кивнула, а потом опустилась на колени перед телом. Стараясь не смотреть на обрубок шеи, который до сих

пор кровоточил, она бережно обняла мертвую сестру и погладила ее огромный живот. Под ногами у нее раздалось недовольное шипение вылупившихся змей, которые окружили мертвую хозяйку. Еще одна капля крови сорвалась на землю и лопнула на глазах сестер.

– Я взяла след, – глядя на гадюк, произнесла следопыт. – За ним! Да помогут нам боги!

Много часов спустя убийца стоял на огромном, поросшем водорослями валуне, о который бились беспокойные волны. Он задумчиво смотрел на пустой горизонт. Стремительно темнело. Корабля не было. Но он и не ждал кораблей. Здесь и гавани-то приличной нет – одни скалы и скользкие мшистые камни, торчащие из воды вдоль береговой линии. Он обдумывал лежащий перед ним путь, предстоящую сделку и гарантии, которые можно получить. Голова в холщовом мешке висела на поясе. Она продолжала кровоточить. Жирные капли срывались в воду и камнем падали на дно, прорастая красными коралловыми щупальцами – горгонидами.

Голова. Самый главный трофей, который должен изменить все. Эта голова сделает его величайшим из героев или бесславно лишит жизни. Пути назад нет. Море зовет. Наконец охотник решился, легко перепрыгнул с камня на камень, потом на следующий, уходя все дальше от суши. Он делал гигантские прыжки, которые не под силу даже циклопу.

Сестры-альбиноски появились на берегу, когда силуэт убийцы едва читался на фоне гаснущего неба. Они опозда-

ли, их добыча ускользала. Боги были не на их стороне. Старшая скинула щит и вошла в холодную беспокойную воду. Море недовольно зашумело, пытаясь опрокинуть ее волнами. Не обращая на них внимания, она прицелилась и метнула копье в спину убийце. У нее был всего один шанс. Ветер охотно подхватил древко и понес к цели. Но потом передумал и уронил копье в воду у ног убежавшего. Оно с шумом вспоролو волны, уходя ко дну. Убийца обернулся.

– А вот и наши уродины, – вслух сказал он. – Не ожидал от красноглазых такой прыти!

На берегу его не слышали. Ветер, волны и расстояние заглушали любые звуки. Он был вне досягаемости, он это знал. И тогда, глумясь, он поднял вверх окровавленный мешок, натянув холстину так, чтобы под ней проступили черты лица убитой.

– Узнаете свою красавицу-сестренку? – закричал он. Ветер отнес слова в сторону, но сестры и так все поняли. Старшая, стоя по пояс в воде, до хруста костяшек сжала кулаки, даже не почувствовав боли в раненом плече. Младшая в отчаянии опустилась на колени, прося у богов правосудия. Убийца видел измученные белые лица сестер и темные провалы их глаз. Он положил голову на поросший водорослями камень, очень осторожно, чтоб та не скатилась в воду, и наступил на нее ногой, ломая нос на лице своей жертвы. Он слышал, как на берегу завывала следопыт и зарычала ее старшая сестра, страдая от бессилия и боли. Они все виде-

ли, но добраться до него не могли. Он улыбнулся, помахал им на прощание рукой, подхватил мешок и побежал в сторону горизонта, перескакивая с камня на камень гигантскими прыжками.

Когда валуны и торчащие из волн обломки скал закончились, он легко заскользил по воде, не касаясь поверхности. Подпрыгнул и взлетел, унося свой трофей на другой берег бушующего моря. Вблизи было видно, что по бокам его сандалий порхают крошечные, полностью прозрачные крылья, неразличимые на расстоянии.

Боги с самого начала были против сестер-альбиносок.

Оставшихся на берегу охотниц охватило отчаяние. Раненая сестра долго стояла в воде, раздумывая, не шагнуть ли в глубину – все дальше и дальше, пока волны не сомкнутся над головой. Море сможет погасить ярость, которая разрывала грудь. Следопыт выла, как дикая волчица, и каталась по земле, проклиная убийцу и вора. Она царапала свое белое, как рисовая бумага, лицо, оставляя на коже глубокие раны и смешивая слезы с землей и кровью. Обе хотели умереть, настолько их терзали ненависть и горе. Месть могла бы дать облегчение. Но мести они были лишены. Боги оглохли, зывать не к кому. Вторя кузнечику, завывала старшая, раненая сестра. И так дик и безутешен был их плач, столько было в нем немыслимого горя, что содрогнулись горы и запомнили голоса сестер. Теперь стоит путнику затеряться среди их склонов, он слышит не веселое эхо, а полное отчаяния ры-

дание и каркающие стоны.

На следующее после погони утро на измученных и израненных сестер наткнулся иерофант. Верховного жреца и его спутников сюда привел случай, в это время и в полисе хватало дел. Иерофант наклонился над следопытом-кузнечиком – она лежала на земле ничком, ее лицо покрывала корка темной запекшейся крови. Прокушенные губы и язык кровоточили. Он положил свою широкую ладонь на ее горячий лоб. Она застонала и зашептала:

– Голова, ее нужно вернуть...

Иерофант стер пот с ее висков. Она приоткрыла глаза, но в бреду увидела не склонившегося над ней иерофанта, а того, другого, вора и убийцу, который с наглой ухмылкой ставил ногу на отрубленную голову ее сестры. Обезумев, кузнечик вцепилась зубами в запястье жрецу, смешав свою и его кровь. Дернулась и потеряла сознание.

Слуга схватился за меч. Но иерофант остановил его, освободил прокушенную руку и завернул в край плаща. Верховный жрец был кряжист и могуч, как дуб. Высокий и широкоплечий, он обладал огромной физической силой. Его руки, мускулистые, увитые вздувшимися венами, словно лианами, с узловатыми пальцами, походили на корни мощного дерева. Помощь ему не требовалась.

Старшая сестра лежала без сознания – ее вымотали погоня, потеря крови и последний роковой промах.

– Готовьте носилки, возвращаемся в город, – сказал иеро-

фант. — Жертвы богам подождут, а раненые — нет. Их время коротко.

Эта встреча оказалась поворотной. Она вынудила колесо фортуны остановить свой бег, заскрипеть, на мгновение застыть, а потом закрутиться в другую сторону, наматывая на себя судьбы богов, героев и людей, которые в этот день еще не родились.

Боги вняли тогда словам иерофанта, что с жертвами придется подождать. И ради кого? Ради двух раненых сестер, одна из которых смешала свою гнусную кровь с кровью верховного жреца, прокусив ему в припадке руку? Богам это не понравилось. И кое-кто в гневе сощурил глаза.

Часть 1.

Государевы бесы

Глава 1.

Пристав и рыжий кот

Василий Эдуардович Аристархов занимал должность главного федерального судебного пристава и отличался циничным отношением ко всему. Он был человеком честным, но не без греха.

Первое и основное – Аристархов был амбидекстром. Или «двуруким», умеющим одинаково владеть обеими руками. И правша, и левша одновременно.

Когда Василий Эдуардович имел удовольствие находиться наедине с собой, он проявлял эти способности в полной мере. Аристархов мог одновременно выполнять самые разные, не связанные между собой действия двумя руками, переводя взгляд и внимание влево-вправо. Например, сейчас он правой рукой разбирал бумаги и делал пометки на полях. А левой, отвлекаясь от документов, кормил своего черного, с красным клювом, амадина.

Птица у Аристархова, как и ее хозяин, была непростая и имела свои скрытые таланты.

Черный амадин умеет петь, но услышать его могут только другие птицы – диапазон певца недоступен человеческому уху. Со стороны кажется, будто птица немая и от нечего делать раскрывает свой красный клюв. Аристархов знал, что амадин поет, но окружающие глухи, и эта песнь не для них.

Василий Эдуардович искренне любил птицу. За ее тайное, беззвучное пение, понятное ему одному. Так любит своих питомцев человек, разочаровавшийся в людях, в которых видит лишь глупость и невежество и терпит их по рабочей необходимости.

Сейчас главный федеральный коллектор, а по сути своей профессии – опричник всея Руси, выуживал из пакета с кормом зернышко и предлагал птице. Та вытягивала шею, наклоняла свою музыкальную голову вбок, благодарно брала зерно и делала несколько шажков туда-сюда по жердочке. Аристархов гладил амадина и возвращался к документам.

Сознание пристава-амбидекстра молниеносно переключалось от одного дела к другому. Бумаги-зерно. Бумаги-амадин. И обратно. Мозги Аристархова работали с невероятной для обывателя скоростью и эффективностью. Как и его руки.

Он обладал способностью делать в уме сложные математические подсчеты и выдавать многоходовые схемы и заключения. Как машина. Про пристава говорили, что он отыскивает решение там, где пять минут назад его и вовсе не существовало.

Аристархов не скрывал свои нетривиальные способности,

но сильно ограничивал их на публике. Одно дело – блестящая умственная работа, которая обеспечила ему стремительную и достойную карьеру, огромную власть и деньги. И другое – «двурукость», от которой веяло мистицизмом. На людях он держал руки в покое, действуя ими поочередно, как все вокруг. Во избежание ненужных для карьеры чиновника пересудов.

Лет пятьсот назад не миновать бы Аристархову анафемы и костра. И в своей двурукой мудрости Василий Эдуардович это понимал. Как и тот факт, что времена мало изменились. И кострище сегодня заменяет другое малоприятное место с решетками на окнах. Не поймешь, что хуже.

В рабочем кабинете над головой Василия Эдуардовича вместо портрета президента страны висел фамильный герб Аристарховых – величайшая наглость со стороны федерального чиновника. Место для президента нашлось на столе, между клеткой амадина и компьютером. Аристархов отшучивался, что, дескать, око государево должно в сердце зрить, а не за спиной маячить.

Герб Аристарховых, занявший президентское место на стене, представлял собой щит, вертикально поделенный на два поля. Левую, огненно-красную сторону пересекали направленные вверх серебряные стрелы. Над стрелами сияла шестиконечная золотая звезда. В правой, небесно-голубой части щита расположился сноп из золотых колосьев. Венчал конструкцию рыцарский шлем с тремя страусовыми перья-

ми и короной.

Гербом наш пристав очень гордился, он видел в нем опору, якорь в зыбучих песках времени, которые циник и опричник Аристархов называл жизнью. Гербом владели многие поколения рода Аристарховых. Он был их отличительным знаком, как форма носа или цвет волос, передающиеся от поколения к поколению.

На стене напротив герба расположился витрувианский человек, написанный самым известным амбидекстром мира – Леонардо да Винчи. Репродукция занимала все пространство от пола до потолка. Умный поймет, что тут к чему. Но пока на пути Василия Эдуардовича попадались только тупицы и карьеристы.

У Аристархова был и второй секрет. Да что там секрет! Тайна, от которой ему самому становилось тошно. Дело в том, что некоторые коллекторы, работавшие в его ведомстве, как бы помягче выразиться, не были людьми. То есть совсем. Они были бесами, получившими доступ в наш мир благодаря контракту и стараниям Василия Эдуардовича. Обычными бесовскими сущностями, которых Аристархов лично трудоустроил в федеральное коллекторское управление. Наемники пристава были духами самых низких рангов, на время службы принявших личину человека.

Бесы оказались исключительными работягами на службе отечеству: они действовали цинично и эффективно, выбивая долги самыми разными способами и демонстрируя при этом

экстремальную творческую жилку.

Служили с усердием, ибо работа полностью соответствовала их сути, да и вознаграждение было немалым. Миллиарды рублей, которые взыскивались ежегодно с должников, создавали колоссальную воронку, куда засасывало человеческие души без счета.

Если спросить эзотериков, они скажут, что деньги – это не бумажки, криптовалюта или цифры на счетах, а энергия, поток. Этот поток с примесью угроз, насилия, проклятий и разбитых судеб превращал бесовских коллекторов в раздутых пиявок, которые питались его темной энергетикой.

Идея с бесами пришла Аристархову в голову после того, как он попал в странную историю, которую поначалу пристав воспринял как подарок судьбы.

Дело было так.

К началу 2000-х годов экономика страны лежала в руинах, законы походили на решето, через которое утекали бюджетные средства, предприятия разваливались, банкротства сыпались как из рога изобилия, банковский сектор раздавал кредиты так, словно играл с народом в покер. Задолженности всех мастей росли, недоимки превращали госбюджет в черную дыру. С этим нужно было что-то делать. В первую очередь – взыскивать долги.

Создали федеральное коллекторское бюро, которое должно было эти задачи решить. Мозгов, рук и ресурсов у нового ведомства было в достатке, но долговой воз не двигался

с мертвой точки. В этой системе уравнений не хватало одной переменной – элементарного зла в чистом первозданном виде. И Аристархов, будучи хорошим руководителем, его обеспечил.

Василий Эдуардович не был злодеем, сатанистом или эзотериком. Атеистом он тоже не был – логик и человек блестящих умственных способностей, Аристархов просто не задумывался о многомерном устройстве этого мира, ему хватало материального аспекта. Федеральный пристав и магические проявления существовали на параллельных ветках реальности, пока однажды не сошлись в русской парной.

Василий Эдуардович Аристархов трепетно любил баню. Там его тело приобретало легкость, сердце – мягкость, а голова избавлялась от мысленного хлама. Лет двадцать он ходил в одну и ту же баню Демида Лахова.

Парил Аристархова самолично хозяин заведения, здоровенный детина с красным мальчишеским лицом и длинными светлыми волосами, похожий на викинга. Знакомы они были со школы и понимали друг друга с полуслова.

Как-то раз Василий Эдуардович, зайдя в парную Лахова, обнаружил в ней рыжего кота. На вид – обычный котяра, наглый и упитанный. Кот сидел на верхней полке в адовой жаре парилки и взирал на голого пристава, обмотанного простыней.

От неожиданности Аристархов растерялся. Кот сохранил спокойствие и достоинство, чуть дрогнув кончиком хвоста.

Они устали друг на друга, Аристархов – изумленно, кот – невозмутимо.

Василий Эдуардович вернулся в предбанник, дожидаться Демида. Дверь в парную он оставил приоткрытой – выпустить дурное животное, пока не перегрелось до смерти.

– Вы что, и котов парите? – Это первое, что он спросил у подошедшего Лахова.

– Каких котов, Эдуардыч?

– Обычных. Я кота в парной видел.

– Рыжего, здоровенного? Так это не кот.

– А кто?

– Наш банный.

– Кто?!

– Ну банный наш, понимаешь? Есть домовые, они дома оберегают. Есть водяные, русалки там всякие. Лешие. Много кто. А этот – банный.

– Демид, ты бредишь? Пьян? Или перегрелся?

– Василий Эдуардович, да точно тебе говорю! Банный он наш. Бан-ный! Ну как объяснить-то? Рыжий кот, банным у нас работает.

– Демид! Хватит сказок!

– Ну да, что я говорю. Не работает, конечно. Коты не работают, тем более такие. Попробую объяснить. Подселили его к нам специальные люди. Приехали и подселили. Помнишь, мы ремонт делали? Ну вот! Бизнес нужно было на паузу поставить, у нас неприятности пошли чередой. Вначале

у клиента остановка сердца в парной. С летальным исходом. Катастрофа, хуже не придумаешь. Только поутихло, у другого инфаркт миокарда здесь же. Он оклемался и в суд на нас подал. Парить, говорит, не умеете, режимы не соблюдаете. Проблемы жесткие пошли, как по заказу. А мы все соблюдаем, ну ты знаешь! Прижало тогда, хоть закрывайся.

– Ко мне почему не обратился?

– Собирался. Мне посоветовали людей, которые любые вопросы решают. Думал, если тут облом, пойду к тебе.

– Решили?

– Решили.

– С помощью кота?

– Ну да! Только это не кот.

– Я помню, что не кот, банный он твой.

– Зря смеешься, Эдуардыч.

– И в мыслях не было. Кот решил твои проблемы с бизнесом?

– Не поверишь, решил.

– А подселяли кота как? С собой привезли? Это порода особенная, жароустойчивая?

– Вот не веришь ты мне, Эдуардыч! Говорю же: не кот это. Банный он, навроде беса. Его клиенты в таком обличье видят. Те, кому захочет показаться. Тебе вот захотел. А ко мне ни разу, подлец, не вышел, а посмотреть-то охота! Как подселяли, не знаю. Вечером трое приехали, ключи от бани у нас взяли, утром работу сдали. Деньги предоплатой налом.

За день до этого договор подписали.

– Какой договор?

– Обычный договор на проведение работ. Обязанности сторон, сроки выполнения, ничего особенного. Формулировки, конечно, местами чудные, типа «организация присутствия некой сущности в целях защиты банного пространства от несанкционированных проникновений на тонком уровне». Как я эту тарабарщину слово в слово запомнил, сам удивляюсь. Могу показать тебе бумаги, если хочешь. Сохранились. И еще – договор составляется кровью.

– Чем?!

– Ну кровью, Эдуардыч. Настоящей. Куриной вроде, я не вникал. Прямо обмакиваешь перо в банку с кровью и пишешь под диктовку договор, ставишь свою подпись. А кровь темная такая, почти черная. На бумаге засыхает коричневой паутиной. Пробирает, честно скажу.

– Может, чернила все-таки?

– Не, чернила так не пахнут.

Аристархов пытливо смотрел на Лахова, борясь с сомнениями и неверием. Он много лет знал этого банного викинга, простого и прямого, как полка в сауне. Парить он умел, а врать и рассказывать сказки – никогда. И вдруг – волшебные коты и договоры кровью.

– Это все?

– Все.

– Результативно?

– Ни одной проблемы с тех пор. Года три прошло.

– А что за люди работали?

– Да люди как люди, обычные. У них женщина была, как я понял, – главная, вот она странная. Красивая, но взгляд, как у горгоны. Не знаю, как объяснить – злая, как ведьма. Аж стоять рядом неуютно. Прическа у нее на голове мудреная была. Коса, не коса, я не разобрал, – Лахов сделал неопределенный жест над головой, словно сажал на макушку истребитель. – Шрам у нее во всю шею. Или родимое пятно, не приглядывался. Будто красная змея по горлу ползет.

– С каких пор ты на женские прически внимание обращаешь? – И Аристархов, подражая Лахову, обозначил рукой орбиту над головой. Демид обиделся.

– Говорю, как было. Сам понимаю, история неформатная. Вот и не рассказывал, знал, не поверишь.

– Ладно, не сердись. Верю я тебе. Они по баням спецы или что другое могут?

– Слышал разное, но слухи-то не проверишь. Может, правда, может, врут.

– Ты про бабу с косой?

– Про нее. Имя у нее редкое, вспомнить бы... Погоди. А, есть! Прозерпина!

– Смотри-ка, греческая богиня.

– Похожа, да.

– Контакты людей сохранил?

– Найдем! Визитка осталась. Эдуардыч, париться давай,

баня остывает. Ты зачем дверь в парную открыл? Все тепло ушло.

– Я кота твоего выпускал, чтоб от жары не сдох!

К слову, кота Аристархов больше не видел. Но историю про банного и женщину с косой и змеей на шее держал в голове, пока его гениальный мозг, прокручивая все так и этак, не выдал ему готовое решение на государственном уровне.

Решение лежало на поверхности с самого начала: нанять на госслужбу потусторонние силы для выбивания долгов. Затея пахла безумием, Аристархов это понимал. Но потом вспоминал наглого кота-банного, Лахова и его кровавый договор, который он внимательно изучил в офисе у Демида. Чернила или кровь – поди разбери, чем они писали – за несколько лет выцвели, но текст читался без проблем.

Василий Эдуардович взвесил риски. Дело выходило интересным. Решение, которое он искал, лежало перед ним. Этические и религиозные вопросы пристава не смущали. Он и мыслей таких в голове не держал. Да и душу его в оплату услуг никто не попросил. Взяли наличными, как Лахов и предупреждал. Сумма оказалась немалая, но для чиновника его уровня подъемная. Аристархов нутром чуял, что окупит свои инвестиции стократ.

Утечки информации пристав не боялся. Кто в здравом уме и твердой памяти поверит, что в Москве на должности государственных коллекторов нанимают лихие бесовские сущности, а договор подряда подписывают кровью? Ни-

кто не рискнет выдвинуть такое дикое обвинение. Да что обвинение! Упомяни кто бесов в разговоре – посмотрят как на сумасшедшего.

Аристархову нужно было показать быстрые и серьезные результаты своей работы. И он справился. Благодаря бесам долговые деньги потекли в казну широкой рекой. А вместе с ними – уже лично Василию Эдуардовичу – привилегии, расширение бюджета и полномочий его ведомства. Все шло идеально.

Амбиции главного пристава росли, он стал всерьез задумываться, где в народном хозяйстве применима бесовская сила. Ему виделась фантастическая карьера со следующей остановкой в кресле премьера.

И тут грянул гром. Триумф Аристархова был в апогее, когда все испортило одно неучтенное «но». Выяснилось, что контролировать новых сотрудников Аристархов не может. Трудовой кодекс над ними не властен, бандитов и правоохранительных органов они не боятся. Василий Эдуардович осознал это, когда оказался на краю глобальных неприятностей.

Это у Лахова банный кот потел на полке в парной и не буянил, временами светил рыжей мордой. Василию Эдуардовичу же досталась дикая и неуправляемая орда, которая творила, что хотела. Он попытался расторгнуть договор бесовского найма, но получил от ворот поворот. Аристархову сунули в лицо подписанный контракт, где кроваво-красным было начертано: бесы наняты на службу сроком на пятьдесят лет.

Задача – взимание долгов. Без указания деталей и методов работы. Главное – деньги.

Дело приобретало скверный оборот. Бесы, почуяв вольницу, власть и безнаказанность, разошлись так, что начался беспредел. Полилась кровь – настоящая, человеческая. Темно-красная, как чернила, которыми составлялся бесовский контракт. Новые коллекторы начали пытаться и убивать должников, казня их с особой жестокостью и цинизмом.

Глава 2.

Смерть вампира

Соня сидела на стуле в редакции, поджав ноги и закусив нижнюю губу. Она печатала вслепую, глядя в окно, прерывалась, чтобы обдумать фразу, а потом била по клавиатуре еще быстрее. Посматривала в блокнот. Она опаздывала.

Несмотря на солнечную летнюю погоду, Соня выглядела бледно и болезненно, что с ней последнее время случалось часто. У нее была тонкая, очень светлая кожа, через которую на висках просвечивали голубые дорожки вен. Темные волосы лежали волнами, а глаза были настолько черные, что радужка сливалась со зрачками. От недосыпания и переутомления на веках залегли тени, которые делали ее глаза похожими на провалы. Из-за ярких красных губ Сонино лицо казалось еще бледнее. Худая и гибкая, Соня любила черную одежду, что делало ее внешность очень колоритной.

Текст, над которым она работала, ей не нравился. Она писала интервью с рэпером под псевдонимом Вампир, по паспорту – Владом Крохиным. Еще вчера его никто не знал, а сегодня он оказался в топе. Всем захотелось подробностей про чистокровного арийского красавчика, который выходит на концерты в форме гитлеровских СС.

Соне было плевать на арийцев, фашистов, нациков и рэперов, эксплуатирующих гитлеровскую и вампирскую эстетику.

ку. Ей вообще было плевать на всех. Не плевать ей было только на то, что этот debil приперся на интервью под кайфом, и теперь весь поток его сознания, этот наркотический бред, предстояло трансформировать в текст, пригодный для чтения.

Ее это раздражало. Соня вспоминала, как он сидел в ослабленной позе короля мира в толстовке и джорданах и нес фантастическую чушь, бездарно разбазаривая ее время. Он едва не кончал от любви к себе, нарцисс чертов.

Это бесило до крайности.

Текст выходил пустым, как и ее собеседник. Фактуры – ноль, Вампир говорил штампами и клише. Он играл клауд-рэп и во время разговора выпендривался перед ней, подражая черным музыкантам из американских гетто. «Да, Трэвис Скотт из тебя никакой», – подумала она тогда.

Соню зацепил лишь один момент, когда в голове у Вампира словно переключились радиостанции, и он перешел на другую волну. Поток словесной трухи иссяк, и Крохин, вдруг протрезвев, серьезно сказал, что его угрожают убить. И показал несколько сообщений в телефоне. Текст один и тот же: «Ты труп». Вместо подписи – литера А.

На этом их разговор закончился. Комментировать ситуацию с угрозами Вампир отказался – он снова вернулся к роли пустого и тупого красавчика.

Это было пять дней назад. Пять дней! А текст до сих пор не написан и не сдан. Сроки горели, а Соня тянула с интер-

вью, от мыслей о котором ей хотелось плевать. Сидеть и выдавливать из себя тысячи знаков, переливая из пустого в порожнее. Главное – для кого? Для быдла, которому интересно читать про такое ничтожество, как Вампир?

Соня размышляла: вставлять в текст инфу об угрозах или счесть это бредом наркомана? С бредом интереснее, решила она и вынесла его в заголовок: «Ты труп, Вампир!». В конце текста добавила, что Вампир еще молод, и у него есть шанс попасть в клуб 27. Если вовремя умрет, то составит компанию известным музыкантам, не дожившим до 30-ти. У читателя сложится впечатление, что угрозы – новый критерий популярности, и Вампиру осталось недолго жить. Хотя какая-то интрига. Соне было противно от собственного текста – кликбейт, грязная работа.

Часы показывали 16.05, она сорвала дедлайн на четыре часа, если не считать, что интервью должно было выйти в начале недели. А текст еще надо показать Вампиру. Согласовывать, понятно, нет времени. Отправить ему и попросить, чтобы просмотрел наискосок. Соня сомневалась, умеет ли это чудо читать. Раздражаясь все больше, она взяла мобильный и набрала его номер.

Абонент был недоступен. Соня залезла в соцсети. Постов у Вампира не было три дня. Сториз тоже. Не выложил даже фото своего пса – огромного алабая по кличке Дьявол, что делал регулярно. Странно для человека, который публикует в сети каждый чих и рык.

Историю появления у Вампира огромного пса-волкодава она знала. Алабая подарил сынок крупного туркменского чиновника, фанатевший от рэпа. Подарок был на миллион – в Туркмении алабаи с правильной родословной считаются достоянием государства. Она посмотрела последнее видео в соцсетях – Вампир стрижет ногти у себя на ногах, а потом когти на лапах у алабая. Три тысячи комментариев, двести пятьдесят тысяч просмотров. Мир, ты окончательно долбанулся.

Соня сдала редактору интервью в 16.30, и минут через десять текст появился на сайте. Не прошло и часа, как в редакцию позвонили из УВД. Звонил замначальника районного отделения, лично знакомый с Соней. Она каждый понедельник торчала на брифингах в управлении, проклиная их раннее начало. Но сейчас он набрал не напрямую Соне, как делал всегда, а секретарю главного редактора, чтобы показать, что разговор официальный и дело серьезное. Секретарь соединила с Соней.

– Да, добрый вечер, – раздраженно сказала Соня телефонной трубке и замолчала на полуслове, прислушиваясь к собеседнику. – Что? Не может быть. Понятия не имею...

– Да, да, – торопливо согласилась она и быстро записала что-то на столешнице карандашом, игнорируя бумагу, – завтра буду. Поняла, передано в прокуратуру. Обязательно. Адрес знаю. Фамилию следователя записала. Да, все будет с собой. – Соня повесила трубку. У нее в голове продолжал кру-

титься вопрос замначальника УВД: как вы узнали, что Вампир убит, ваша публикация – это провокация?

Как она узнала? Да никак! Она и предположить не могла, что дурацкий заголовок «Ты труп, Вампир!» окажется пророческим. Господи, это простое совпадение!

Тело Вампира нашли за несколько часов до выхода интервью. Он лежал голый на полу в своей квартире-студии. Его убили ударом ножа в солнечное сплетение. Рядом в луже крови плавал мобильный. Рэппер был мертв уже дня три. Он бы и дольше пролежал, но все трое суток его верный Дьявол был так дико и страшно, что его слышали на улице через задраенные окна Вампировой квартиры. Соседи вначале звонили и стучали в студию Крохина, а потом вызвали полицию. Дверь взломали быстро, но внутрь попасть не смогли. Белый алабай, весь заляпанный кровью хозяина, стоял за его тело насмерть. Он рычал, заходилась оглушительным лаем и остервенело кидался на каждого, кто пытался войти. Криминалисты попали внутрь после того, как кинологи вкололи измученному псу снотворное.

Соня видела эту псину, имела удовольствие. Щенком Дьявол был величиной с овчарку, пока не вырос до размеров медведя. Он казался ей неуправляемым диким зверем, во всем покорным своему хозяину – ему одному. Соня не любила собак и боялась их, были у нее на то свои причины. Дьявол чувствовал ее страх и сообщал ей об этом глухим рычанием. Алабай вернул ей детские воспоминания, ко-

торые ранили ее и пугали. Соня была убеждена, что держать в московской квартире, пусть и просторной, такое чудовище – безумие. Ради охраны? Но Дьявол не уберег хозяина от убийц.

Завтра Соню ждали в прокуратуре на допрос. Вместе с диктофонной записью их разговора. И объяснениями, как вышло, что интервью появилось в тот день, когда нашли труп. В совпадения в прокуратуре не верили.

– Что за гребанный мир! – зло сказала Соня и двинула ногой по корзине с мусором. – Еще один ужасный день, который никак не закончится. – Прокуратуры она не боялась, понимая, что не представляет для следствия реальной ценности. Завтра ей истреплют нервы, потратят ее время, и все. Завтра все закончится. Покойся с миром, Влад, больше не увидимся.

Прокуратура на следующий день сюрпризов не преподнесла. Соня просидела два часа в коридоре, ожидая следователя ради десятиминутной аудиенции. Им оказалась молоденькая Татьяна Кочура, которую Соня знала по брифингам.

– Ну ты, мать, отожгла, – воскликнула Кочура, как только они оказались в ее кабинете.

– Задавай свои вопрос, – отозвалась Соня. – Я целый век прождала в коридоре.

– Не нуди, начальство собрало экстренное совещание. Смерть Крохина навела шороху. Хотя чего вибрировать? Был бы висяк, другое дело, а так убийство почти раскрыто.

– Раскрыто? Так быстро?

– Дом, где жил покойный, напичкан камерами. Точное время смерти уже не установить, долго пролежал, да это и не нужно. За три дня у него был всего один посетитель. Её сейчас и ищем. Засветилась на всех записях. И на входе в квартиру, и на выходе. Вампир сам её открыл. Думаю, его знакомая.

– Его убила женщина?

– Она, родимая. Причем с такой внешностью, что мимо не пройдешь. Одна коса чего стоит. Найдём в два счета.

– С трудом верится, что Вампира убила баба. Он же...

– Гей?

– Убежденный.

– Конечно, гей. А ты считаешь, только ревность – весомый повод, чтоб человека грохнуть? Мерзликина, ты меня удивляешь.

– Подожди, про какую косу ты говоришь? Вампира убили косой?

Кочура внимательно посмотрела на Соню – придуривается или вправду тупит. Та выглядела устало, бледнее обычного и во время разговора нервно грызла ногти.

– Так, – подытожила следователь, – ни про какую косу на голове я тебе не говорила. И писать об этом нельзя. Тайна следствия и все такое, не маленькая, разбираешься. Запись интервью с Крохиным принесла?

Соня протянула флешку. Аудиенция в прокуратуре была

ОКОНЧЕНА.

Глава 3.

Сорок покойников на Плещеевом озере

Василий Эдуардович Аристархов с утра ломал свою светлую голову, подыскивая решение навалившейся проблемы — что делать с бесконтрольными бесами. Мозг Аристархова с сумасшедшей скоростью подыскивал варианты, обдумывал их и отбрасывал, как неподходящие. Куда ни кинь, выходил клин. И при любом раскладе проблема получала недопустимую огласку.

На рабочем столе федерального коллектора множились пустые стаканы в фирменных ведомственных подстаканниках. Он пил чай с коньяком и лимоном. И чем дольше искал решение, тем больше становилась доля коньяка и меньше — чая.

Бесы. Черт бы их подрал.

Все началось с череды странных убийств, прокатившихся по региону, и каждое было связано с ведомством Аристархова. Пока это понимал он один. Понимал он и то, что скрыть эту связь ему не удастся.

Его бесовские коллекторы пытали, а затем убивали должников, причем настолько изощренно, что в это с трудом верилось. Кровь и жуткие подробности убийств выплеснулась

в новостные программы и интернет. Но пока их никак не связывали с взысканием долгов. По каждому эпизоду начиналось следствие, которое быстро заходило в тупик. Зацепок не находили ни по одному из убийств. Ни отпечатков, ни улик, ни свидетелей, ни биоматериала преступников – хвосты идеально зачищены. Не преступления, а стерильные операции – сплошная чертовщина. Дела разваливались на глазах.

Его бесовские коллекторы ввели криминальную моду на казнь «синий таз». Ноги жертвы опускали в синий пластиковый таз и заливали бетоном. Бетон застывал, человека бросали в водоем. Всегда в один и тот же – в Плещеево озеро, расположенное к северу от Москвы, в городке Переславль-Залесский. У бесов уже появились подражатели. Но такие дела раскрывались сразу – в преступлениях отсутствовал идеальный бесовский почерк.

В Плещеево озеро впадает река Трубеж, в устье которой полно лодок – рядом стоит Рыбная слобода, которая до сих пор кормится ловлей Плещеевской ряпушки, как и века назад. Должников по одному привозили из Москвы в Переславль, грузили в лодку, отплывали с ними подальше от причала, затем выбрасывали за борт. Даром, что у берегов воды по колено, на середине глубина доходит до двадцати пяти метров.

Казалось, все концы в воду, а остальное доделают рыбы, которыми славится Плещеево. Но бесов подвел расчет, и все

преступления вскрылись разом. По левую руку от устья реки Трубеж по береговой озерной линии построена набережная – длинная обзорная площадка с великолепным видом на озеро и окрестности. Тут же стоит церковь Сорока Севастийских мучеников, воинов-христиан, казненных за веру при императоре Лицинии. По преданию, утопленных, а затем преданных огню.

Сразу от набережной начинается приличная глубина. Если оказаться в воде, когда в церкви Севастийских мучеников звонят колокола, можно испытать потрясающие ощущения. Воды Плещеева будто впитывают в себя колокольный звон и передают эти вибрации телу, наполняя его какой-то первобытной музыкой.

Характер у озера буйный и своенравный. Образованное ледником, оно во все времена – и до принятия христианства на Руси, и после – имело сакральное значение. К воде спускается Александрова гора, на которой стояло древнее поселение племени мерян – городище Клецин с языческим капищем, святилищем славянского бога Велеса.

Велес – не кто иной, как рогатый «скотий бог», покровитель земледельцев, скотоводов, чародеев и целителей, проводник между мирами, второй по значимости в славянском пантеоне. Выше – только Перун. В противовес громовержцу Перуну Велеса частенько именуют просто демоном, злым духом или чертом. К владениям Велеса относятся правь, явь и навь: законы бытия, реальность и загробный мир.

Сердцем Велесова капища на Александровой горе служил Синь-камень, огромный валун весом в двенадцать тонн, который получил свое название благодаря одной особенности. Во время дождя он меняет серый цвет на ярко-синий. В плотной водяной завесе этого не видно. Нужно немного солнечного света, луч, пробившийся сквозь тучи, чтобы он вспыхнул. И стал не чем-нибудь, а недреманным оком Велеса, демона и владетеля подземных горизонтов. Оком чистого аквамаринового цвета.

Синий камень или око Велеса обладало собственной волей. При Василии Шуйском его сбросили с Александровой горы на берег озера по личному указу царя, дабы прекратить вокруг него языческие хороводы и жертвоприношения. Не помогло.

После низвержения Синь-камня ритуальные пляски с кострищами и языческими обрядами вокруг него продолжались. Этого церковь не стерпела. И в семнадцатом веке дьякон Онуфрий по распоряжению преподобного Иринарха Ростовского закопал бесовский камень в землю у береговой линии озера, думая, что хоронит его навсегда.

Вслед за камнем похоронили и самого дьякона — он внезапно заболел лихорадкой и скоропостижно скончался. После смерти Онуфрия камень начал вылезать из своей «могилы». На поверхности появилась макушка, потом показались бока, и за десяток лет око Велеса полностью выползло на поверхность земли. Вытолкнули его подземные воды, движе-

ние почв или иная сила земных глубин – неизвестно. Только валун снова светил на берегу озера, как синее бельмо на глазу.

Тогда православное духовенство решило избавиться от него радикальным способом: использовать в фундаменте возводимой Духовской церкви. Стояли лютые морозы, когда камень выдернули из земли и на санях потащили на другой берег Плещеева, к месту строительства. Везли напрямик, краткой дорогой, через замерзшее озеро с метровым льдом, экономя десятки верст объездного пути по берегу, долгого и мутного.

До церкви не дотянули. В пути под тяжелой поклажей лед на озере треснул, сани провалились в черные воды Плещеева, и камень утонул, утащив с собой лошадей и перевозчиков. Казалось бы, вот и сказочке конец, сгинуло окаянное око. Но не тут-то было! Меньше чем через столетие Синькамень снова выполз на берег, причем на то же самое место, где лежал раньше, до своих первых похорон силами несчастного дьякона Онуфрия. Об этом феномене в свое время написали «Владимирские губернские ведомости».

Больше синее око Велеса месторасположения не меняло. В нашем веке паломничество к камню продолжается. Подношения делают разные: монеты, еду, цветные ленты, которые повязывают на мостки, ведущие к воде, и на стоящую у берега иву. На камень изливается поток жалоб, просьб и молений. Мало кто соображает, что обращается со своими прось-

бами напрямую к подземному божеству и с ним же заключает сделку, оставляя подношение в качестве оплаты. Включили бы голову, наверняка ужаснулись.

Плещеево озеро, где располагается Велесов камень, имеет колоссальные размеры, и бури тут бывают такие, что волны поднимаются до небес. Метров на восемь, а иногда и выше. И это сейчас, когда воды озера обмелели, и оно уменьшилось в размерах. При юном Петре Первом, построившем здесь свой потешный флот, озеро имело максимальный размах и дикий нрав. Не озеро, а маленькое внутреннее море с ветрами и штормами.

Как-то ночью, в разгар бесовских разборок с должниками казны, на Плещеевом случился очередной шторм. Вода начисто снесла ограждения набережной и оставила на деревянном настиле свое послание – мертвые человеческие тела. Ровно сорок трупов. И у всех ноги или то, что от них осталось – в синих тазах с бетоном.

В то злосчастное утро, когда их обнаружили жители Рыбной слободы, в небе над церковью Сорока севастиийских мучеников появилась яркая, иррациональная, разорванная дуга радуги. Будто бы ее шутки ради зацепили за острые купола храма, да так оставили висеть рогами вниз.

Утопленники, местами объединенные рыбами до костей, были в жутком состоянии. И на теле каждого – где полностью, где частично сохранившееся, имелось синее клеймо: перевернутая вверх ногами и рассеченная посередине литера А,

заключенная в круг. Кто-то видел в этом знаке не А, а рожки, а под ними – треугольник, направленный острием вниз.

Когда Аристархову положили на стол отчет о происшествии, он сразу понял, чьих это лап дело. Еще до того, как следствие и криминалисты получили результаты вскрытия. Фотографии трупов он просматривать не стал – замутило от первых снимков. Ограничился подробным описанием.

Сорок убийств у стен церкви Сорока севастиийских мучеников, рядом с капищем и оком Велеса, – на такое были способны только его новые сотрудники с их демоническим кровавым почерком. О том, что казни ритуальные, да и не казни вовсе, а жертвоприношения, Аристархов в первый момент не подумал.

СМИ окрестили бесов «Переславскими палачами». Быстро всплыл факт, что у всех убитых имелись крупные долги. Засветилась связь между кредиторами убитых, среди которых числились частные инвесторы, банки и много кто еще. И тот факт, что все долги были переданы в коллекторское управление. Число версий росло.

СМИ додумались до предположения, что криминальное сообщество создало единую спецструктуру по выбиванию долгов, которая обслуживает интересы крупных кредиторов. Оставалось только добавить, что такая структура уже существует, но на государственном уровне – федеральное коллекторское управление Аристархова, – и провести параллели.

Василий Эдуардович понимал – один неверный шаг, и он

пропал. Он в полной мере осознал, что ситуация окончательно вышла из-под контроля, и он – пешка, которую сбросят с игрового поля в любой момент. Он нутром чуял неприятные вибрации от закачавшегося под его сидением чиновничьего кресла.

Казни на Плещеевом оказались первой главой коллекторского мракобесия. Кровавые междоусобицы перекинулись внутрь ведомства. В Москве на детской площадке был убит сотрудник федеральной коллекторской службы, пристав Юрий Милованов, из числа людей. Он получил по голове обрезком трубы, когда ранним утром шел на работу. Свидетелей не нашлось. Улик тоже. Знакомый почерк – идеальное убийство. Правда, без синего таза и клейма. Правоохранители утонули в море версий и списках подозреваемых – Милованов вел полторы тысячи долговых дел. Врагов у него был легион.

Один человек во всей Москве понимал, что происходит, и знал причину убийства. Милованов, работая бок о бок с бесами, начал задавать лишние вопросы, сделал попытку организовать внутриведомственное расследование их деятельности. Его служебная записка легла на стол Аристархову. И пока Василий Эдуардович раздумывал, как поступить с ретивым Миловановым, бесы, не дожидаясь указаний, проломили голову любопытному коллеге. На Плещеево озеро не повезли – Милованов не был должником – грохнули милосердно и по-свойски, у дома.

В одиночку остановить бесов Аристархову было не по силам. Дело шло к катастрофе государственного масштаба, но гений Василия Эдуардовича отыскал выход. Аристархов договорился о личном визите к патриарху. Приехал с повинной головой и выложил все, как есть. От и до. На коленях стоял. Только Демида Лахова упоминать не стал, зачем человека лишний раз трепать. Боялся одного – что его сочтут сумасшедшим торчком, потерявшим берега.

Патриарх, родившийся в отчаянно-безбожные советские времена и повидавший в миру всякое, от услышанного пришел в замешательство. Но в исповедь коллектора поверил и помощь пообещал. После череды проверок и дознаний церковь включила наработанную веками православную мощь. Столичные экзорцисты для усмирения бесов негодились – специализация не та, и за помощью обратились в патриархат Константинополя, основанный когда-то апостолами Андреем и Иоанном Богословом. Первоочередной задачей было полное подчинение сущностей и прекращение кровавых расправ. Вторая цель – расторжение бесовского контракта.

Аристархов ожидал увидеть боевой отряд христианского спецназа, но вместо православного воинства греки прислали двух монахинь. Главный пристав всея Руси воспринял это как издевательство, но его разочарование быстро сменилось удивлением, а удивление – благоговейным ужасом.

Глава 4.

Заклятые друзья

Друзей у Сони, несмотря на огромный круг общения, было немного, всего двое. Сашка Орешко, они водили дружбу с университета и знали друг друга как облупленных, и Миша Гештупельтер, которого все называли Гешей. Характером Соня отличалась взрывоопасным, и такой расклад ничего не удивлял. Удивляло, что эти двое ее терпят.

Коллеги за глаза называли Мерзликину Мерзавкиной, преувеличивая лишь отчасти. Соня временами бывала настоящей гадюкой, ядовитой и язвительной. В общении она бывала довольно экстравагантна и напориста, временами не без жестокости. Не спускала промахов и была наотмашь, пока оппонент не затыкался и, измученный, не давал себя закопать. Для Сони в принципе отсутствовали авторитеты, на чужое мнение она плевала с высокой колокольни. Стояла на своем до гробовой доски. Чужой, разумеется.

Как-то под новый год, не моргнув глазом, она стянула со стола знакомого чиновника, мздоимца и пройдохи, годовой отчет, который тот по старинке исправлял не в цифровом виде, а на бумаге. Неделя труда и согласований, двести страниц записей и правок, сделанных вручную, чтобы потом отдать их секретарю для внесения в финальный документ.

Соня избавила секретаря от напасти. Она смахнула един-

ственную копию отчета со стола себе в рюкзак, когда чиновник отвлекся. А на выходе из здания администрации бросила его в мусорный бак. Зачем? Она затруднилась бы с объяснением. Но припомнила бы все прегрешения автора правок, добавив, что бог шельму метит.

Была ли Соня бессовестной дрянью? Самую малость. А вот несчастной и несчастливой – в полной мере. Она обладала способностью видеть все в пасмурном свете, словно окна, сквозь которые она смотрела на мир, были грязными. Это как в свежем наливном яблоке угадывать несуществующую, но грядущую гниль.

После допроса Соня вышла из прокуратуры и посмотрела по сторонам. В ее ситуации полагалось радоваться – история с убийством разбулилась, до нее перестанут докапываться. Будут ловить тетку с косой на голове, которая грохнула Вампира. Вопрос с Дьяволом оставался неразрешенным: почему эта зверюга не защитила хозяина? Но Соня выкинула алабая из головы – как только убийцу поймают, соберут прессу и обнародуют подробности. Дело-то резонансное. Про пса можно будет отдельно уточнить.

И все же радости не было. Соня стояла на солнечной стороне улицы, ей было тоскливо, как в ненастье. Все осточертело. Чем дольше она жила, тем меньше видела в жизни гармонии и смысла. История с Вампиром это подтверждает.

Возвращаться в редакцию было бессмысленно, новостей у нее все равно нет. Можно забежать на работу к Гештупель-

теру – он тут недалеко – и выпить кофе. Или отправиться к Сашке, замаливать грехи, они уже неделю не разговаривали.

Причины взять паузу в общении у Саши Орешко были. Соня переспала с ее приятелем, на которого та строила планы. Соня знала об этих планах, но виноватой себя не считала. Во-первых, отношений она не разбивала – не было еще никаких отношений, во-вторых, ей на Сашкиного приятеля наплевать. Секс был случайный, из прихоти, под влиянием момента. Ну было и было, зачем шум устраивать? Соню не мучило чувство вины, она не делала из случившегося тайны. Ее терзала пустота, образовавшаяся на том месте, которое в ее жизни занимала университетская подруга, когда они перестали разговаривать.

Сашка на произошедшее смотрела как на предательство, посягательство на то, что принадлежит ей одной. Соня отказывалась понимать ее истерику. Она вздохнула и набрала Сашкин номер. Пора налаживать отношения.

Они договорились встретиться через пару-тройку часов в кафе на набережной – маленьком уютном заведении с огромными окнами во всю стену. Окна создавали ощущение аквариума, и посетители чувствовали себя рыбами, заплывшими в эти воды на чашку кофе.

– Дождешься меня? – спросила Орешко.

– Думаю, да, посижу, поработаю. У меня ноутбук с собой, – согласилась Соня. – Сможем все обсудить.

– Договорились. Дождись, у меня новости.

В кафе Соня выбрала столик в углу у окна. От барной стойки его отделяли две колонны. Она открыла ноутбук. Старалась сосредоточиться на словах, которые нужно сложить в связный текст, но ее отвлекало окно и то, что за ним происходило. Работалось со скрипом. Она бросила писать, почитала новости, потупила в соцсетях и заказала вторую чашку кофе. Отодвинула ноутбук и развернулась к окну рассматривать улицы и прохожих.

Собиралась гроза. Жара сдавалась и отступала. Огромная сизая туча, похожая на надувной матрас с оборванными краями, медленно и лениво наползала на Москву. Туча гнала перед собой порывистый ветер, который бросал в прохожих горсти песка и мелкого мусора. Она закрыла половину неба, и резко потемнело. Послышались первые раскаты грома, будто кто-то прокатил по крышам окрестных домов чугунные шары. Ветер стих, и на мостовую упали редкие жирные капли дождя.

– Сейчас начнется, – вслух произнесла Соня, не отрываясь от окна. Она увидела Сашку, которая бежала через дорогу к кофейне под зарождающимся ливнем. Она бежала не одна. С ней был Макс, из-за которого они назначили сегодняшнее разбирательство – тот самый Сашкин приятель, с которым у Сони случился секс.

Пару недель назад Орешко назначила им встречу на троих, чтобы познакомить, но задержалась на работе. Они оба

пришли вовремя, болтаться по городу в ожидании Сашки не хотелось, и они отправились в студию, которую снимал Максим. Он занимался фотографией. В лофте на стенах висели репродукции полуобнаженных морфинисток Матиньо-на, Моро де Тур и Русиньоля. Соня оголила плечи и закатила глаза, передразнивая изображения, Максим взялся за фотоаппарат. Чем это закончилось, известно. Ни Соня, ни Макс после фотосессии не проявляли друг к другу интереса. Но Саша сочла себя преданной и оскорбленной.

Сашка ворвалась в кафе и подлетела к столику за колоннами в момент, когда за окном хлынул ливень. Дождь волнами забил в стекла. Ощущение аквариума стало полным, только вода была не внутри, а снаружи. В динамиках заведения заныла скрипка, дополняемая басами громовых раскатов. На улице стихия заливала мостовую, смывая с нее дневную усталость.

– Даже смотреть на это безобразие не хочу. Еле успели. Чуть-чуть и промокли бы до нитки. – Саша шумно устроилась спиной к окну. Максим сел напротив нее, рядом с Соней.

– Я рад тебя видеть, – сказал он Соне.

– Аналогично.

Соня посмотрела на Сашку. Та была в приподнятом, суетливо-деловом настроении. Ей очень шло радостное возбуждение, пусть и наигранное. Внешне Орешко была полной противоположностью Соне. Аппетитная и румяная, она

приблизилась к той черте, за которой пышность переходит в непривлекательную и нездоровую полноту. Приблизилась, но не перешагнула. Сашка носила короткую мальчишескую стрижку, чтобы укротить свои волосы, выющиеся мелким бесом. У нее был огромный бюст, которым она гордилась и стеснялась одновременно, называя груди сисяндрами.

– Ну что ж, – сказала Сашка, шумно выдохнув полной грудью, – давайте заново знакомиться. Макс, это Соня, моя подруга. С универа дружим. Соня, это Максим. Мы с ним встречаемся. – Победно закончила она.

– Поздравляю, – вяло откликнулась Соня. Ее эти отношения не волновали. – Давно?

Вопрос повис без ответа. И Соня сделала вывод, что кроме секса у них больше ничего не было. Но переспать они переспали, один раз минимум. Для Сашки это главное. Так она метит территорию и определяет, где ее, а где – чужое.

Общения в этот вечер не получилось. Саша пыталась поддержать разговор, пока не поняла, что говорит в основном сама с собой, остальные отвечают односложно и неохотно, рассеянные и словно полностью поглощенные стихией за окном. Друг друга они игнорировали. Саша сдалась и замолчала. Она развернула свой стул к окну и сосредоточилась на буре, которая штурмовала улицу и стучала градом в стекла, надеясь проникнуть в их аквариум. Зрелище было грандиозное.

Они просидели в кафе до позднего вечера, так ничего

и не выяснив. Хрустально чистый после грозы и ливня вечер перешел в беззвездную ночь. В метро все трое спустились на Тургеневской. Сашке нужно было на салатовую ветку, а Соня и Макс свернули в переход на красную линию. На одну ветку, но на разные поезда.

Сашка помедлила, а потом не спеша отправилась за ними. Она не планировала следить за Соней и Максом, она хотела убедиться, что все в порядке, без сюрпризов. Что они поедут спать в свои квартиры. Он – вверх по красной ветке, она – вниз. Отчего-то Саша нервничала и мысленно корила себя за недоверие. Но ноги продолжали нести ее на «Библиотеку им. Ленина».

Станция оказалась пустой. Только что ушли поезда в оба конца. На платформе не было колонн и закутков со скамейками, где можно спрятаться, только лестница для перехода на другую ветку. Там они и стояли. Слишком близко друг к другу, решила Орешко. Сашку они не видели. Да и она поначалу не разглядела, что они держатся за руки, переплетая пальцы. О чем они говорили, Саша расслышать не могла. Но Максим наклонился и поцеловал Соню. И Соня ему ответила. Она провела рукой по его щеке и обняла за шею.

Сашка рванула обратно к ступеням, надеясь остаться незамеченной. У нее перехватило дыхание, в горле появился комок, который мешал дышать. В глазах стояли злые и горячие слезы. Она ответила на его поцелуй, бессовестная стерва! Она ведь знала, все знала про их отношения и про ее,

Сашкину, заинтересованность в этом человеке! Тот факт, что инициатива с поцелуем принадлежала Максиму, Сашке казался несущественным.

Подъехал поезд. Сашка убедилась, что они зашли в вагон, продолжая держаться за руки, а потом трясущимися пальцами достала телефон.

– Геша, у меня беда, – сказала Сашка в трубку. – Да, прямо беда-беда, а не как обычно, – закричала она. И заплакала.

Глава 5.

Тимбилдинг с горбатыми монахинями

В ответ на мольбу Аристархова о помощи греки прислали в Москву двух монашек – разбираться с бесами. На первый взгляд женщины ничем особым не выделялись. Обычные монахини, как выяснилось, сестры по крови, не только во Христе. Имена они носили неправославные – сестра Сфено и сестра Эвриала. Русский и английский понимали, но отвечали только по-гречески своими каркающими голосами.

Чтобы иметь обратную связь с сестрами, ведомство Аристархова наняло несколько переводчиков, которые по очереди дежурили при них в круглосуточном режиме. Когда монахини общались между собой, их разговор мало походил на мягкий эллинский выговор, да и в принципе на человеческую речь, напоминая раздраженный птичий клекот.

Обе были горбаты. Эвриала, маленькая и сухощавая, перемещалась всегда стремительно. Со стороны ее походка выглядела не нормальной поступью, а зигзагообразными скачками с места на место. Кузнечик кузнечиком. Сфено же, напротив, обладала могучим телосложением и тягучей медлительностью. Горб на ее широкоплечей фигуре казался нелепым наростом.

Монахини всегда ходили в черном. В платках-апостольниках, натянутых до бровей и свисающих до пояса, и пер-

чатках. Пальцы у них были такие длинные, что казалось, они состоят из четырех, а не трех фаланг. Ряса в пол. На шее – массивные цепи с распятием.

Обувь сестры носили странную. Под рясами ее видно не было, но при ходьбе она издавала звук, похожий на скрежет когтей. На затылках черные платки матушек вздыбливали скрученные в тугие узлы волосы. На поясах у них висели четки из кораллов-горгонидов, похожие на застывшие капли крови и отполированные до блеска постоянным использованием, и короткие семихвостые плетки с серебряными наколочниками в форме стрел. Точь-в-точь такими, как на фамильном гербе Аристархова. У Сфено плетка висела с другой стороны – она была левшой.

Сестры имели удивительное сходство в чертах лица: альбиноски с неестественно бледной кожей и красными глазами. В довершение лицо каждой пересекали глубокие вертикальные шрамы, словно их полоснули когтями. Ни монашеское одеяние, ни принятые обеты не могли смягчить свирепость их красноглазых лиц, белых, как рисовая бумага.

Прибыв в Москву, монахини отказались от сопровождающих и начали осмотр ведомства Аристархова самостоятельно, временами прибегая к помощи переводчиков. Доступ у них был максимальный, ограничений никаких. Осуществлялась инспекция так: сестры, вооружившись списками работников, прочесывали отделы и департаменты. Своим вниманием они не обошли даже уборщиц.

Похожие на привидения в черных рясах, они подходили к каждому рабочему столу своей скрежещущей походкой и становились напротив. Стояли безмолвно и неподвижно до тех пор, пока человек за столом не поднимал голову от компьютера и не встречался с кем-то из них взглядом. Пару секунд его просвечивали рентгеном две пары красных глаз, затем одна из сестер делала пометку в списке, и они шли дальше. Вопросов матушки не задавали. Иногда перебрасывались меж собой парой фраз kloкочущими голосами.

По данным Василия Эдуардовича, в его ведомстве числилось 243 бесовских сотрудника. Но в списках, поданных ему монахинями, фигурировала 251 персoна. Аристархов спорить с монахинями не стал, но несоответствие его напрягло.

После завершения аудита сестра Сфено и сестра Эвриала направились напрямик в кабинет Василия Эдуардовича, велев переводчику дожидаться в приемной. Волю сестер озвучивала матушка Эвриала, неожиданно заговорившая по-русски, бегло, но с акцентом. Сфено во время беседы не издала ни единого клетoта.

– Полномочия? – спросила пристава монахиня своим сухим безжизненным голосом.

– Ваши полномочия? – уточнил Аристархов. – Максимальные. Полный карт-бланш.

Сфено кивнула сестре.

– Всех собрать, – прокаркала Эвриала. И показала на списки бесов, лежащие на столе у Аристархова.

– Где собрать? В конференц-зале? Когда?

– Всех собрать, – сухо повторила монахиня. – Отдельно.

– Понял, сделаем. Соберем всех в другом месте.

– Толмача убрать.

– Толмача? Какого толмача?

– Толмача убрать.

– А, переводчика? Он не понадобится? – догадался Василий Эдуардович, стараясь не смотреть в страшные красные глаза монахини-альбиноски. – Почему?

– Пострадает, – коротко ответила матушка Эвриала. И для убедительности провела большим пальцем, обтянутым черной кожаной перчаткой, по своему платку там, где у нее было горло.

Аристархову стало не по себе до дурноты. Он побледнел и покрылся испариной.

– Только этих, – снова закаркала матушка Эвриала, указывая на списки. – Других убрать. Пострадают.

– Я вас понял. Когда нужно собрать?

– Завтра. В полночь. Полнолуние, – повторила она еще раз, повысив голос. – Пройдет без помех.

– В полночь? – глупо переспросил Аристархов.

Монахини ничего не ответили, они сидели и молча сверлили его немигающими красными глазами.

– Хорошо-хорошо, – поспешил согласиться пристав, и под ложечкой у него заныло. – Вам сообщат адрес, где состоится собрание.

– Это лишнее, – коротко ответила Эвриала и встала, заскрежетав своей странной обувью по дорожному ведомственному паркету. Сестры зацокали к выходу из кабинета, подметая пол черными рясами и оставляя пристава в холодном поту и расстроенных чувствах размышлять о превратностях судьбы.

Помещение для тимбилдинга искали в авральном режиме. Нашли в Троицке, в новой Москве, но не конференц-холл, а большой лофт для мероприятий. На отшибе и с большой парковкой. Бесы Василия Эдуардовича не перемещались на общественном транспорте, только на хороших и дорогих машинах – такая вот новая демоническая причина. Парковка была обязательна.

По распоряжению Аристархова в пустой лофт привезли стулья и поставили маленькую кафедру для монахинь. Никто понятия не имел, что им нужно, а уточнять у матушек не стали. Не стоять же всем просто так! Служба безопасности повесила скрытые камеры наблюдения.

Следующей ночью действительно было полнолуние. Луна, огромная и желтая, как головка созревшего сыра, повисла над горизонтом на черном небе, усыпанном звездами.

Близились полночь, когда Аристархову доложили, что все собрались в назначенном месте. И что служба безопасности сняла наружное наблюдение и разъехалась по домам – «всех убрали» по требованию сестер. Дела шли по плану. Но Василию Эдуардовичу в эту ночь не спалось. Он расхаживал

по своей огромной московской квартире с камином и изнывал от тревоги. К рассвету усталость взяла свое, и он забылся на несколько часов тревожным сном. Воскресное утро не принесло новостей. Аристархов вызвал водителя и поехал в опустевшее ведомство. Позвонил начальнику службы безопасности и сел ждать записи с камер наблюдения.

Сюрпризы начались, как только безопасники добрались до Троицка. Присланный с места событий фотоотчет оправдал худшие ожидания.

К этому часу лофт был пуст. От мебели остались одни щепки, словно ее крушили топором или молотом. Больше ничего не пострадало, если не считать камер. Все до единой оказались разбиты. Крови нигде не было, тел тоже. На парковке стояли 66 автомобилей из 251, принадлежавших бе-сам. Остальные разъехались. Куда делись хозяева брошенных машин – никто не знал. На связь не вышел ни один из этих сотрудников. Монахинь и след простыл. Аристархов схватился за голову, а потом за сердце.

Матушка Эвриала и матушка Сфено появились в главном федеральном управлении коллекторов на Кузнецком мосту в понедельник утром. Они процокали напрямик в кабинет к Аристархову, черные, красноглазые, страшные. В неизменных рясах, апостольниках и перчатках, с кровавыми четками-горгонидами и плетками-семихвостками у поясов.

Василий Эдуардович в восемь часов утра понедельника уже сидел на своем рабочем месте. Он был мертвецки пьян.

Правильнее сказать, он все еще сидел на своем рабочем месте, потому что после того, как в воскресенье вечером увидел, что успела записать одна из разбитых камер, домой не поехал. До такой степени ему было страшно.

Горбатые монахини приблизились к Аристархову, и Эвриала проклекотала:

– Работа выполнена.

Аристархов только и смог, что кивнуть.

– Оставшиеся будут повиноваться, – сказала Эвриала, и Сфено положила руку на свою плетку.

Он кивнул еще раз, стараясь не смотреть на матушек.

Не сказав больше ни слова, сестры направились к выходу. И тут молчаливая Сфено обернулась к Аристархову и прохрипела:

– Убийц невинных ждет кара. Всегда. Я и есть кара, – уточнила она. После чего матушки исчезли за дверями его роскошного кабинета. Аристархов искренне надеялся, что навсегда. Сейчас его бесы-коллекторы казались ему ближе и безопаснее, чем эти красноглазые чудовища.

Видео, которое повергло выдавшего виды пристава в ужас, длилось не больше минуты. Оно было черно-белым, беззвучным, плохого качества. Но ничего кошмарнее Василий Аристархов, взрослый и умный мужчина, амбидекстр с высочайшим IQ, чиновник федерального масштаба, в своей жизни не видел. Запись сделала одна из боковых камер, направленная на установленную для монахинь кафедру. Она прорабо-

тала недолго, после чего была разбита, как и все остальные. Аристархов не без оснований полагал, что здесь нет никаких случайностей.

Видео запечатлело одну из матушек – могучую Сфено. Крупным планом. Монахиня неподвижно сидела на стуле возле кафедры. Потом она встала и медленно стянула с руки кожаную перчатку. Размяла затекшие пальцы, украшенные длинными заостренными черными когтями – «четвертой» фалангой. Когти блестели в искусственном свете, как отполированный металл.

Сфено неторопливо – зрители должны были увидеть каждую деталь – отстегнула от пояса четки и плетъ, сняла распятие и скинула с себя рясу. Она осталась абсолютно голой. Ее мускулистое могучее тело, такое же бледное, как и лицо, оказалось покрыто чешуей вперемешку с рисунками и символами. Аристархов решил, что это татуировки. Ступни монахини заканчивались деформированными пальцами с перепонками и длинными загнутыми когтями – это они производили характерное царапанье и постукивание при ходьбе. Горб исчез, он развернулся в когтистые кожистые крылья, до времени плотно свернутые на спине.

Аристархов смотрел на происходящее, как зачарованный. Когда Сфено также медленно и аккуратно сняла с себя апостольник, бедный пристав зажмурился. На затылке монахини тугим клубком свились живые волосы-змеи. Взору Василия Эдуардовича предстала одна из сестер Горгон во всей

своей чудовищной красе. Перед древней мощью которой его мелкие бесы дрожали осиновыми листьями. Это вам не бетонном ноги должников заливать. Пристав своих коллекторов не видел, но хорошо знал их повадки и не сомневался, что они в ужасе.

Сфено взяла в левую руку плеть и лениво оскалилась, обнажив великолепные жемчужно-белые зубы, острые, как самурайская катана. И в этот момент по камере со всего размаха шарахнули плеткой-семихвосткой с серебряными наконечниками-стрелами. Запись прервалась.

Посмотрев видео, Василий Эдуардович почувствовал себя так плохо, будто его зажало между Сциллой и Харибдой. Татуированные монашки с когтями и крыльями произвели на Аристархова неизгладимое впечатление, загнав в тихий паралич. Он осознавал их силу и эффективность, помнил про Скотланд-ярд, который начинал с найма бывших преступников для борьбы с криминалом, но облегчения это не принесло.

После ухода монахинь Аристархов продолжил попойку. Он пребывал в глубокой задумчивости. Затем встряхнулся, налил стакан анисовой водки и всыпал туда красного перца. Вызвал секретаршу и заказал нарезанного имбиря с лимоном. Медленно потягивая эту термоядерную смесь и заедая теплую водку имбирем и лимоном, Василий Эдуардович вопреки логике трезвел и успокаивался.

Он приходил в равновесие, и его блестящий ум занялся

поиском выхода из сложившейся ситуации. Один маленький вопрос оставался для Василия Аристархова без ответа – что произошло с его шестьюдесятью шестью бесовскими сотрудниками, сгинувшими после тимбилдинга с сестрами Горгонами? Поразмыслив здраво, Василий Эдуардович понял, что знать этого не хочет – нервы и так ни к черту, простите за тавтологию.

Чтобы протрезветь окончательно, Василий Эдуардович поехал к Лахову в баню, а оттуда, чистенький, – к патриарху. Видео с Горгонами он прихватил с собой.

Разговор со святым отцом был долгий и тяжелый, после которого федеральному ведомству судебных коллекторов патриархат назначил небесного покровителя – Феодора Гераклеяского, страстотерпца, стратига и змееборца. Помощника, поборника и заступника. Святого христианского воина-мученика, казненного в эпоху императора Лициния и впоследствии канонизированного.

Небесный покровитель должен решить все оставшиеся вопросы, сказал Аристархову патриарх. Услышав эту нелепицу, Василий Эдуардович придушил в себе логику и прагматика и вопросов задавать не стал. Хотя ему хотелось спросить: «Это каким же образом, а?!». Но он сдержался.

К этому времени Василий Аристархов осознал, что тонкие материи – не его ума дело, будь он хоть дважды амбидекстр и интеллектуал. И что малограмотная деревенская ведьма-знахарка разбирается в проклятой энергетике и за-

конах неведомого ему нематериального мира, а он, всемогущий на своем уровне чиновник, – нет. Поэтому Аристархов поверил патриарху на слово и полностью на него положился: покровитель так покровитель. Другого не оставалось.

– Мне что, молиться теперь этому святому, свечи ему ставить? – не выдержал Василий Эдуардович. Но патриарх только сурово взглянул на чиновника, подошел к нему и больно стукнул по лбу костяшкой согнутого указательного пальца, как последнего дурака. И Аристархов второй раз осознал, что молчание – золото.

Вместе с небесным покровителем главный федеральный коллектор получил на руки список объектов его будущей благотворительной деятельности во благо церкви. Первым в перечне значился Феодоровский мужской монастырь в Переславле-Залесском, попечителем которого отныне становилось федеральное ведомство судебных коллекторов и г-н Аристархов лично. Затем следовала церковь имени великомученика Феодора Стратига, расположенная там же, ей требовались новые купола, ну и так далее.

Церковную службу по установлению небесной опеки над коллекторами московский патриарх провел самолично. Не в столице, где никакое шило в мешке не утаишь, а в скромном Переславле-Залесском. Таком маленьком, что не будь рядом огромного озера, его и на карте не разглядишь. Тишайший Переславль был выбран не случайно. Здесь в Свято-Никольском монастыре хранится знаменитый Кор-

сунский крест, ценнейшая реликвия, в которой размещены ковчеги с мощами святых. Но самое главное, что на нижней ветви Корсунского креста покоятся мощи великомученика Феодора из Гераклеи, который стал покровителем коллекторской службы.

Аристархов решил не уточнять, как и что с его мракобесием может сделать кусочек тысячелетней иссохшей плоти, пусть и святого мужа-воина, и откуда в мощах хоть какая-то сила. Небесный покровитель был для Аристархова абстракцией, как, скажем, последние автопортреты Пабло Пикассо. И то, и другое не имело ничего общего с реальностью. Никто ж не ждет, что в МГУ им. Ломоносова экзамены начнет принимать лично Михайло Васильевич, призванный для такого дела из загробного мира?

Василий Эдуардович так и рассудил. И когда из патриархии пришло распоряжение об организации часовни на территории его ведомства на Кузнецком мосту – с охраной, камерами слежения и сигнализацией, для временного размещения Корсунского креста с мощами, Аристархов не почувствовал подвоха. Тончайший нюх амбидекстра подвел его. Он отрапортовал патриарху о выполнении задания. Часовня, так часовня. Вот она, как вы заказывали.

В этот момент господин Аристархов стоял на пороге таких испытаний, по сравнению с которыми приезд матушек Сфено и Эвриалы был маскарадом на Хэллоуин. Но он об этом не подозревал. Его грело и окрыляло, что он сохранил-таки

за собой должность, статус, привилегии и финансирование. И избежал огласки. Остался жив-здоров и на свободе. Немалое достояние при прочих равных. О другом думать не хотелось.

Глава 6.

Скрипка и покойница в берете

Саша плакала в телефонную трубку навзрыд.

– Ну-ну, хватит киснуть, – успокаивал ее Миша Гештупельтер. – Приезжай, придумаем, как помочь твоему горю.

Саша и Миша Гештупельтер или просто Геша, были давними приятелями. Даже друзьями, если понятие дружбы способно отразить все грани их взаимоотношений. Геша, циничный и самодостаточный, был гораздо старше. И в Сашкиной жизни он играл роль то старшего брата, то друга, то любовника, то психотерапевта, то поверенного в ее делах, то врача – смотря чего требовала ситуация.

Своей семьи у Гешы не было. Он никогда не задерживался в отношениях, ратуя за разнообразие и свободу. Любить он не умел. Людей ценил мало, отношения поддерживал всего с несколькими, включая Соню и Сашку. Сашку Гештупельтер считал дурой, но неожиданно для себя испытывал к ней теплые чувства. Когда-то он попробовал перейти с ней на более интимный уровень, но быстро разочаровался. Их дружба выдержала короткую интрижку и секс, не развалившись.

Гештупельтер не всегда вел себя как прожженный циник и бабник. Присущая ему черствость выполняла роль щита,

защитного механизма, нужного, чтобы оградить его от чудовищной молотилки жизни. Ее громадных жерновов, которые однажды перемололи юного Мишу Гештупельтера в кровавое ничто. Жесткость и душевная черствость в купе с тотальной неспособностью любить стали иммунным ответом его психики на неприятности и беды, через которые ему пришлось пройти.

Геша рос трепетным и впечатлительным мальчиком под присмотром двух женщин – матери и бабушки. Отца он не знал. К пятнадцати годам стало ясно, что Геша будет исключительным красавчиком. Глядя на любимого внука, бабушка тихонько охала, что с такой внешностью мужчине в реальном мире жить совершенно невозможно, разве что играть в кино романтических героев-любовников. Таких, которые умирают в последние минуты повествования, вызывая реки слез. Ромео, например. Бабушка как в воду смотрела.

Юный Михаил Гештупельтер был очень высок и худ, как тростинка. Как и многие еврейские мальчики, он играл на скрипке, которую люто ненавидел. Но смотреть, как он терзает несчастный инструмент своими длинными, изящными пальцами, мучительно хмурясь, изгибая брови и вздрагивая длинными ресницами, можно было бесконечно. Словно между ним и скрипкой в момент игры возникала какая-то связь, сродни сексуальной по эмоциям и накалу страстей. Скрипка маялась, стонала и томилась в его руках, как живое существо, которому он причинял физические мучения.

А он, играя на ней, и сам испытывал подобное. Так они и мучали друг друга годами: мальчик и его скрипка. Но расстаться, бросить друг друга не могли.

Гешу никогда не стригли коротко. У матери не поднималась рука обрезать до ежика его мягкие темные кудри. Он ходил с волосами, отросшими до плеч, в малолетстве похожий на херувима, а в старшей школе вызывая интерес к своей персоне у обоих полов. Когда Геша-подросток брал в руки смычок и скрипку, окружающий мир обращал все взгляды на него. Его мастерство и исполняемое произведение роли не играли. Дело было в его партнерстве с инструментом, который оживал и страдал в Гешиных руках.

Гештупельтер обхватывал скрипку своими тонкими пальцами, нежно скользил по ее лакированной поверхности, лаская, а затем сжимал так, что белели костяшки. словно хотел задушить, лишить ее голоса. С первых нот инструмент охватывала дрожь, которая передавалась и самому музыканту. То ли боль, то ли экстаз. Юный Гештупельтер закусывал губу и неистово терзал струны, роняя на лоб мягкие черные кудри. На виске билась жилка. Он стремился подчинить себе музыкальную душу скрипки, заставляя ее выть от него, Гештупельтера, боли и ненависти. Он упивался ее страданиями до конца игры и аплодисментов.

Его ненависть к занятиям музыкой была безмерной. И эту ненависть нужно куда-то девать, иначе она сожрала бы юного Гешу изнутри. Он трансформировал эту темную эмоцию

в игру на скрипке. И со временем научился испытывать мазохистское удовольствие, вибрируя от чувственного напряжения в унисон со скрипкой. Ненависть. Боль. Страсть. Экстаз. Аплодисменты. Расслабление.

– Это же чистый секс, – шепотом произнесла какая-то женщина, сидевшая рядом с матерью Геши на отчетном концерте в его музыкальной школе. Собственно, этот «чистый секс» и определил Гешино будущее. После школы под давлением мамы и бабушки он поступил в музыкальное училище по классу скрипки. Чтобы сделать ненависть к музыке делом всей своей жизни. В тот день ловушка захлопнулась.

Первые два года обучения дались Геше не без труда, но гораздо легче, чем он представлял. Он оказался самым красивым студентом на курсе и одним из самых перспективных. Его экзальтированная манера играть была поводом для постоянных обсуждений. Девицы сходили по нему с ума. Это восхищение льстило юному скрипачу, но пускаться во все тяжкие Геша не спешил. Почему? Он не знал. В музучилище ходили сплетни, что Гештупельтер с большим удовольствием трахает свою скрипку, чем млеющих по нему сокурсниц. Да так и было.

Пока он не познакомился с Беллой.

Белла была на два года младше Геши и не обладала музыкальными талантами. Какой-либо выдающейся внешностью – тоже. Зато она считала себя стильной барышней. Когда все носили джинсы и кроссовки, Белла упорно ходила

в длинных юбках и туфлях. Непременно в берете, который должен был подчеркнуть ее творческую личность. Потому что без берета ее нечем было подчеркивать. Белла поступила в училище благодаря протекции и родительским деньгам. И она обладала бульдожьей хваткой и бешеной целеустремленностью, которые в этом мышонке трудно было заподозрить. Друзья называли ее Белка. Если бы у нее были друзья.

Она без иллюзий оценивала свои музыкальные способности и творческие перспективы. И поступила в училище с единственной целью – выйти замуж за будущего гения. Белла начала его поиск с первых дней учебы. Такой у этой девушки был жизненный бизнес-план. Какая любовь, вашу ж мать. Чистый расчет, без глупостей.

Для начала она просто собирала информацию обо всех, кто достиг малейших успехов. Посещала репетиции, концерты, опрашивала сокурсников и преподавателей. Она напросилась на должность репортера в студенческую газету. Ее острый носик разнюхивал события и подробности лучше опытного сотрудника правоохранительных органов. К концу первого месяца учебы у нее был готов список претендентов на ее, Беллы, руку и сердце, плюс пухлые досье на каждого из них.

Достойных кандидатов оказалось пятеро. И первым в списке значился Миша Гештупельтер. Не потому, что он был гениальнее, красивее или перспективнее остальных. А потому что, увидев его, Белла сразу поняла, какая он тре-

петная лань. И как легко эту лань заарканить. И Геша был свободен. Белла с негодованием отбросила слухи о его гомосексуальности. Предполагая, что дело в отсутствии любого сексуального опыта. И она оказалась права. Лишь раз послушав его игру, она все про него поняла.

Геша не подозревал, какое цунами на него надвигается. И что загонять его будут, как дикого зверя. И, увы, успешно загонят. К несчастью для себя, он действительно был девственником, отдававшим все эмоции и прикосновения скрипке, пренебрегая сокурсницами. Но пока другие девицы только сплетничали про красавчика, Белла вычертила план его захвата.

Поэтому на первом же свидании она сделала Геше минет. Строго говоря, это не было свиданием. Она подкараулила его после занятий, представилась репортером студенческой газеты и предложила прогуляться. Она быстро и убедительно говорила о том, как непросто приходится первокурсникам среди старших студентов, почти состоявшихся музыкантов. Особенно девушкам. А что делать, когда речь идет о таких выдающихся личностях, как Геша? Да-да, Михаил, вы – истинный талант. И она привела фразу преподавателя из своего досье. Вы практически гений. Белла закончила тем, что хочет взять у него интервью для студенческой колонки. Близ с будущей звездой.

Геша, который не выделял из толпы эту серую мышь в берете и назавтра не смог бы вспомнить Беллино лицо, обра-

тил к ней слух. А Белла, продолжив дозволенные речи, все лила и лила ему в уши ядовитый елей.

За милой беседой они прошли несколько кварталов и свернули в парк. Со стороны казалось, что парочка студентов вышла на прогулку и бесцельно бредет по осеннему городу, куда глядят глаза, уставшие от партитур. В действительности они шли по заранее намеченному Белкой маршруту к скамейке в тенистом уголке парка. Погода для середины осени стояла превосходная. Солнце светило ярко, но грело скупно. Стратегическая лавка была пуста. Вокруг желтели кустарники, полностью закрывая от мира тех, кто на нее садился.

Геша опустился на лавку под несмолкаемый аккомпанемент Беллиных дифирамбов. Сел и положил возле себя папку с нотами. Скрипку. Но Белла не стала садиться. Она опустилась на колени у его ног, прямо между широко расставленных худых Гешиных коленок. И продолжая смотреть ему в глаза, начала расстегивать его джинсы.

Ситуация для него была настолько из ряда вон, что Геша окаменел от неожиданности. Он понятия не имел, что должен говорить, как поступать и куда ему деть свои руки. А Белла действовала так уверенно и быстро, что он засомневался в собственной оценке происходящего. А заодно и в его реальности. Миша Гештупельтер застыл, словно его пригвоздила к этой лавке взглядом медуза Горгона и не мог пошевелиться. Он был в шоке, как бабочка, которую вот-вот

пришпилят длинной иглой к деревянной подставке.

Геша опомнился от изумления в тот момент, когда было слишком поздно. Он не смог бы остановиться, даже если захотел. А он и не хотел. Он себе сейчас не задавал вопросов: хочу, не хочу. Мозг был в нокауте. Тело звенело от напряжения.

Ветер поднял Гешины ноты в воздух и разметал их по полянке. Когда последний нотный лист плавно ложился на землю, Белла вытирала рот. Скрипка тихо лежала рядом с хозяином.

После «интервью» на парковой скамейке в Гештупельтере разом проснулись чувственность, чувствительность, сексуальность и возбуждение. А с ними – бешеное эмоциональное и физическое напряжение. Все это и раньше присутствовало. Но сам Геша был какой-то примороженный, индифферентный. Он раскрывался только в те моменты, когда начинал терзать скрипку, свою любовницу и заклятую подругу. А теперь с него словно стянули вакуумную упаковку и разогрели в микроволновке. Сам Геша сказал бы, что с него содрали кожу, настолько обострилось его восприятие. Мир изменился и, обновленный, обрушился на него. Новые звуки, эмоции, тактильные ощущения, трепет, предвкушение, желание, нетерпение, запахи, страсть. Особенно запахи. Они донимали Гешу больше всего.

Белла пахла очень приятно. Возбуждающе приятно. Он не понимал – чем. Какая-то смесь ванили, пряных цве-

тов и еще чего-то неуловимого. Именно «неуловимое еще» и срывало его с цепи. В запахах, которые окружали Беллу, Геше не нравилось только одно – лилии, которые она любила, его отталкивал их удушающий аромат. Белла была помещена на этих цветах.

С этого момента Белла взяла юного скрипача Гештупельтера в осаду. Она сопровождала его везде, где только можно было, а где нельзя – тем более. Зная способности этой девушки, оставалось только удивляться, что она не перевелась со своего первого курса на Гешин третий.

Гештупельтер стал ее собственностью. Она заарканила и заклеила его, ревностно оберегая свою территорию и огрызаясь на любые попытки со стороны завладеть Гешиным вниманием. Геша не сопротивлялся. Лишенный кожи, с обостренным восприятием, он ушел в себя, постигая с Беллой невыносимые для него глубины физической близости.

Белка оказалась способна на зажигательный секс. Из нее вышел бы толковый порнограф, а не музыкант, жена или мать семейства. А вот актриса этого жизнеутверждающего жанра – вряд ли, физические данные не те.

Геша не знал, любил ли он свою подругу. Он не сможет ответить на этот вопрос и годы спустя. Но то, что он помешался на ней – чистая правда. Он чувствовал физическую необходимость быть рядом с ней, наркотическую зависимость от присутствия Беллы. Без нее у Геша начинало ныть сердце, становилось труднее дышать. Он не находил себе места.

Но и Белкино присутствие спокойствия не приносило. Геша получил в свое распоряжение еще одну скрипку по имени Белла, на которой играл бешено, чувственно, но без любви. И не мог прекратить игру даже с потерей сил.

Эти дикие отношения завершились через полгода, в тот момент, когда Белла задумалась об их свадьбе. Геша в курсе новой рокировки не был. Белла планировала все сама, помощники ей не требовались. Она не учла в расчетах только одно – собственную смерть. Как говаривал Воланд, человек не просто смертен, а смертен внезапно. Увы.

Белла умерла весной – по глупости, за полчаса. Может, Мойры, плетущие нить судьбы, были не в духе. Или одна из них страдала весенней аллергией и чихнула невпопад, по ошибке резанув нить Белкиной жизни. Белла проглотила пилюлю. Не наркотик, а безобидное обезболивающее. Таблетка спровоцировала анафилактический шок. Дома она была одна, вызвать врача некому. У нее начался отек, и она задохнулась. Так звучала официальная версия.

После Белкиных похорон Геша не горевал. Он не плакал и не планировал самоубийства. Он впал в чудовищный транс, апатию, безжизненность. Он ходил, ел, отвечал на вопросы, дышал, пребывал в сознании. Он существовал на физическом уровне с полностью отключенными эмоциями. Как зомби, из которого вынули душу.

Самое отвратительное, что он продолжал говорить о Белле, словно та была жива. Например, что он был у Беллы,

а не ходил на ее могилу.

– А скрипку зачем взял? – спрашивала встревоженная мать.

– Поиграл ей немного.

Дальше – больше. Бабушка Геши забила тревогу, когда услышала от внука в ответ:

– Не знаю, надо у Белки спросить, она не любит, когда без нее решают.

Психологи помочь не смогли. Психиатры тоже. Они запутывали Гешину мать медицинской терминологией, диагнозами, протоколами лечения. Но не давали ни помощи, ни надежды.

Она бросилась в церковь. Священник завалил Гешину маму вопросами, но не про ситуацию, а про нее и сына: вы наши прихожане, на службы ходите, на причастии были, почему так давно? Она не могла взять в толк, как ритуалы, придуманные людьми, могут быть важнее жизни ее сына? И почему ей отказывают в помощи, раз она не член местной церковной общины? Всех рекомендаций, которые она получила, было: молитесь, на все воля Божья. И – надо было раньше в церковь ходить! Реальной помощи, поддержки, дельных советов – ноль.

Выяснилось, что Геша не сдал экзамены за семестр. Со дня похорон он не был в музучилище ни разу. Хотя каждое утро вставал, завтракал и уходил из дома до вечера.

– Где ты пропадал? – спросила его мама, которая от тре-

воги себя не помнила.

– У Белки, на кладбище.

– Каждый день?

– Да.

– Что ты там делал?

В ответ – молчание.

Они начали находить в квартире Беллины вещи. Она и была-то у них пару раз, как смогла столько всего забыть? Кольцо с синей эмалью, которое украшала перевернутая литера А, разрезанная посередине, нотную тетрадь, шарф. Даже ее дурацкий берет с запахом увядших лилий. Что вещи принадлежали Белле, сомнений не было. Так пахла только она.

Миша Гештупельтер перестал спать. Если забывался на час-полтора, то видел один и тот же сон, с единственным персонажем – Беллой. Она звала его. И тогда его мать поняла, что время сына на исходе, он выйдет из квартиры и живым не вернется. Это обязательно случится – завтра или через неделю. «Пока смерть не разлучит их» – про кого угодно, но не про них с Беллой. Белла родилась генералом, и такая мелочь, как собственная смерть, смутить и расстроить ее стратегические планы не могла. Белла не сдавалась и не отдавала своего, даже скончавшись.

Гешины близкие оказались в тупике. Они совсем отчаялись, но тут кто-то рассказал Гешиной матери про целительницу, которая творит чудеса. Геша идти не хотел. Но после долгих уговоров согласился. И клубок начал разматываться.

Странная женщина в цветном платке, мусульманка, едва говорящая по-русски, не расспрашивала их ни о чем. Спрашивали ее палочки, которыми она простукивала Гешино тело. После сеанса она выставила Гешу в другую комнату, а его матери сказала:

– Это приворот, черный, сильный. Она в церковь ходила, чтобы приворожить. Ритуалы делала. Много раз. Я разные печати вижу. Снять не могу, но может тот, кто рассказал ей, как их поставить. Или иди к ишанам.

– К ишанам?

– Да, к суфиям. Ты в Москве живешь, радуйся, здесь всех можно найти.

– Если не снять приворот?

– Она его заберет. Но не проклинай ее, хуже сделаешь.

– Сколько есть времени?

– Нет у тебя времени. Не жилец твой сын.

Гешина мать разрыдалась от отчаяния. И столько в этих слезах было боли, что сердце мусульманки в цветном платке дрогнуло.

– Ладно, – сказала она, вставая с дивана. – Сделаю, что смогу. Вытри слезы. Пойдем со мной.

Лечения Геша не помнил. Он помнил, что сутками пребывал во тьме, где ангелы и демоны рвали его изнутри. Белла окончательно поселилась в его голове, он видел и слышал только ее, во сне и наяву. Потом появилась женщина, с которой он не был знаком. Красивая, с чистейшим грече-

ским профилем, капризно очерченным ртом и сложной косой вокруг головы. Она пугала его. Когда гречанка приходила в Гешины галлюцинации, у него начиналась чудовищная мигрень, доводившая до безумия. Геша, как смог, рассказал о ней матери, а она – мусульманке в цветастом платке. Та в ответ только сплюнула от отвращения и произнесла несколько тихих и злых слов на родном языке. Старые знакомые, поняла Гешина мама. Стало ясно, кто сделал приворот. И это спасло юного скрипача Мишу Гештупельтера от вещей, которые похуже смерти.

Гешина душа агонизировала, но мозг сопротивлялся вторжению. Это было хорошо – в мясорубке черного приворота боль стала для Геши спасательным кругом, канатом между миром живых и усопших, за который он ухватился и выбрался. За болью к нему начали возвращаться чувства, а за ними – эмоции. Тело оживало. Голод, жажда, тошнота, боль, усталость, граничащая с изнеможением, обрушились на Гешу. В предыдущие недели он не чувствовал ничего. Теперь возвращалось обостренное восприятие мира, ощущение, что с него содрана кожа, и ничто не защищает от внешнего эмоционального ада.

Геша провалился вначале в боль физическую, а потом – в боль душевную, в депрессию и отчаяние. В один из приступов он разбил скрипку. Свою многолетнюю наперсницу и мучительницу. Свою первую любовницу. И пошел на поправку. Белла и ведьма-гречанка не сдали ни одной позиции

без боя. Последнюю, стратегическую высоту, Гешины сны, они отдали последней.

Окружающие считали, что он не справится и свихнется, умрет от истощения. Он ни с кем не взаимодействовал, сутками пребывая в ведомых только ему нижних мирах. Он почти не ел. Мама и бабушка перестали плакать, у них не было сил на слезы. Они жили в ожидании – что будет завтра. Но Геша справился. Психика и физика выдержали. Самый сильный удар на этой наковальне пришелся на его душу. Переболев, она стала маленькой и плоской.

Гешу вытянули из смертельной любовной западни. Вытащила бесконечная любовь родных и молитвы мусульманки в цветном платке. Как-то утром он добрел до кухни, увидел свою семью, двух полностью отчаявшихся женщин и тихо произнес:

– Давайте чайку попьем.

Училище Геша бросил, игру на скрипке тоже, навсегда. Осенью он ушел по повестке в армию. Вернулся совсем другой Михаил Гештупельтер. Он ничем не напоминал трепетного красавчика-скрипача, который сидел на парковой лавке и с придыханием стонал, пока ветер во время его конвульсий рассыпал по округе нотные листы. Это был другой человек.

Жесткие тренировки, физические нагрузки, короткая стрижка и борода сделали его похожим на исламского боевика. Скрипку он заменил на железо в спортзале. Трепет в глазах погас, появился циничный и насмешливый взгляд. Ушли

худоба и смазливость. Михаил Гештупельтер стал старше на целую жизнь. Такова была плата за возвращенную возможность дышать и жить, пусть с маленькой и выболевшей душой.

Он подал документы в ветеринарку, окончил ее и начал лечить животных, которые охотно шли к нему в руки и стоически терпели, если Геша причинял им боль своими музыкальными пальцами. Помимо ветеринарной практики, Гештупельтер подрабатывал массажами. Пациенты, преимущественно женщины, доверялись ему также безропотно, как кошки, собаки и кролики, приводимые на прием в ветклинику. Он безошибочно находил подход к каждой.

Геша ни с кем не обсуждал свои отношения с Беллой. Он закрыл эту дверь, оставив за ней лучшую часть души. И пошел по жизни с выжженной способностью чувствовать и любить. Ему нечем это было делать, Белла оборвала все струны.

Когда человек лишается важного органа чувств, обостряется работа всех остальных. Гештупельтер, например, без ошибки определял, когда звонила Сашка Орешко, не глядя в телефон. Рингтон на входящие был общий, но на ее звонках он улавливал в вибрациях истерические ноты.

Так было и сейчас – телефон надрывался. Геша поспешил ответить, пока трубку не разорвало от визга.

– Да, девочка моя. – Пауза. – Ты про свою вселенскую трагедию? Хорошо, не трагедию. Очередную судорогу?

Трубка рыдала.

– Александра, не реви. Ты ошибаешься, у тебя с Максимом нет романа, у него роман с Соней. А ее романы склонны перерастать в народные эпосы. Нет, ты не виновата. Приезжай, обсудим. Нет, не занят. Жду.

Сашу доставило такси, на метро она не поехала. В машине ее развезло, она прорыдала всю дорогу, глядя в окно. Водитель не лез с разговорами и утешениями, за что она была ему благодарна. За полчаса пути Саша позвонила Геше трижды, и он вышел ее встречать.

Гешина холостяцкая квартира подействовала, как успокоительное, едва Сашка переступила порог. И хозяин жилья, и его вещи оказывали на Александру умиротворяющее воздействие. Спартанская обстановка, запахи массажных масел, теплое приглушенное освещение. Она перестала плакать навзрыд и устало всхлипывала. На кухне Геша налил ей травяного варева, которое называл чаем, и погладил Сашу по голове.

– Ну, рассказывай, что между вами произошло на этот раз.

– Вот именно, что на этот раз! В который раз, Геша! – Саша всхлипнула и закрыла лицо руками. Ей по-прежнему хотелось плакать, но силы рыдать кончились.

Ее можно было понять. Соня и Сашка дружили с университета. Когда им обоим нравился один парень, в финале он доставался Соньке. Истины ради стоит отметить, что Саша никогда первая не обращала внимание на конкретного парня. Она влюблялась после того, как Соня проявляла к нему ин-

терес. С таким подходом Сашка проигрывала всегда. Она переживала, злилась и накапливала ненависть и обиду. Но ни разу не сказала Соне о своих чувствах. Больше всего Сашку задевало, с какой легкостью и пренебрежением Соня смотрела на отношения с парнями. Она никогда ими не дорожила, быстро уставала от них, обрывала без сожалений и шла дальше. Даже не подозревая, как мучается ее подруга. А Саша травила себя мыслями, что это она уступила подруге такого замечательного человека, от сердца, знаете ли, оторвала, а Соня не оценила ее великодушного поступка. Стерва. Одно слово – Мерзавкина.

Казалось бы, что проще – перестань общаться с Соней, не знакомь ее со своими приятелями, живи своей жизнью. Но такой вариант Орешко в голову не приходил. Перестать общаться? Но у Соньки всегда бурлит жизнь, у нее нюх на интересные знакомства, она нравится мужчинам, а событий вокруг нее – календарь не вмещает. Саша так не умела, но очень хотела. Поэтому она оставалась прицепом к Сониному локомотиву. Ее тенью.

Конечно, самое простое – выложить Мерзликиной все как есть и попросить не лезть, куда не следует. Но и тут Саша буксовала. Если она видела, что ее избранник начинает интересоваться Соней или кем-то еще, она самоустранялась и делала вид, что происходящее ее не интересует и не касается. Она словно превращалась в глыбу льда. Саша боялась, что кто-то, включая Соню, догадается о ее нежных чувствах, ко-

которые остались без ответа. Открыться и быть отвергнутой означало для нее «потерять лицо». Вот если б интерес был обоюдным, другое дело. А так – сплошное унижение, что ею пренебрегли.

Соня плевала на то, кто и что о ней скажет. Но ей было не все равно, что думает ее единственная подруга Сашка. А та молча переживала свои маленькие трагедии, не посвящая Соню в подробности. Единственный раз, когда Саша повела себя иначе, была история с Максом. Она просто не смогла сдержать накопившуюся ярость и устроила разборку, после которой они перестали общаться. Саша кричала Соне про многолетние предательства, а та отказывалась понимать, о чем речь. Какие парни? Почему молчала все это время? Они разругались, не объяснившись друг с другом.

Неделю спустя Соня предложила Сашке перемирие. Но после встречи в кафе во время грозы все окончательно развалилось.

– Так что у вас стряслось?

Гешин вопрос вывел Сашу из задумчивости.

– Мерзликина увела у меня парня и сломала мне жизнь.

– Опять?

– Геша, ты ведешь себя, как свинья.

– Тогда не будь глупой маленькой девочкой.

– Геша! Мне и так плохо!

– Александра, – Гештупельтер отодвинул стул и сел рядом с Сашкой. – Есть люди, которые ломают вещи. А есть те, кто

ломает других людей. Соня из таких. Я много раз говорил тебе – отлипни от нее и живи сама или терпи и не жалуйся. Она – стихия, бездна, не знающая берегов. Не лезь в это пламя, не будет ожогов. Ты живешь ее жизнью, а надо жить своей. Ты хочешь ее парней, а потом удивляешься, что твое корыто разбито.

– Ты всегда ее защищаешь!

– Сейчас я защищаю тебя. От тебя самой. Дался тебе этот Максим.

– Представь, дался! Мы отлично ладим, подходим друг другу. Я карты Таро на него раскидывала, они подтверждают нашу глубокую духовную связь. Мы, знаешь ли, во всем совпадаем. Включая постель. У нас были хорошие перспективы, пока Сонька все не испортила. – Сашу несло, и в таких случаях она не отличала желаемого от действительного. – Макс не был ее парнем. Это я их познакомила!

– А с Максом тебя познакомил я. Вот я и спрашиваю – зачем ты их свела?

– Соню и Максима?

– Да. Зачем?

– Ты несправедлив ко мне. Я их не сводила.

– А что ты сделала?

– Представила друг другу и все. Все остальное – случайность. Я же не думала...

Саша нахохлилась и замолчала.

– А надо было думать. Можешь дуться, сколько душе угод-

но. Ты с собой разберись. Зачем ты делаешь то, что приносит тебе неприятности.

– Но Сонька все равно бы про него узнала.

– На здоровье. К тому моменту вы бы обзавелись двумя детьми и ипотекой на трешку. Максим бы не дернулся.

– Как теперь быть?

– А какой ты хочешь результат?

– Да чтоб она сдохла, Мерзликина твоя!

– Конечно, это тоже вариант, – Геша улыбнулся, и Саша с удивлением взглянула на него.

– Ты серьезно?

Вместо ответа Геша сказал:

– Но есть способ попроще.

– Какой?

– А твои карты тебе не подсказали? Давай я поговорю с Соней. Выясню, какие у них отношения.

– Так она тебе и рассказала!

– Что-нибудь расскажет. Соня бывает покладистой девочкой. Тогда и посмотрим, что можно предпринять.

Саша удовлетворенно вздохнула.

– Геша? Сделаешь мне массаж? Успокоительный.

– Сделаю. Раздевайся.

Глава 7.

Соня, два добермана и пакет с баранками

Животных Соня не любила. А собак боялась панически. Сонино отношение «к скотине» удачно описывала фраза, которую Соня в детстве подслушала на Староконюшенном рынке в Одессе, куда они приехали отдыхать с родителями.

Две пожилые одесситки с тусклым видом ходили по рядам с клетками и маялись на жаре выбором питомца. В клетках хрюкали, крякали, лаяли, чирикали или многозначительно молчали. Одна из дам, в панаме с цветочками, сватала по-друге зверушку. Другая, у которой по причине зноя и забытой дома шляпы на голове была полусфера капустного листа – а шо делать? – стояла скалой. Ей не нравится никто.

Солнце пекло, и выбирать ставилось труднее. Кота? Какой-то полинялый. Щеночка? Это чтоб вместо дверного звонка, как он заливается? Коня? Выразительнейший взгляд. Наконец дошли до шиншилл. Прекрасных кругленьких созданий с шубками, отливающими шелковой аристократической голубизной. И выпуклыми пуговками доверчивых глаз.

– Шиншиллу?

Пожилая одесситка с капустным листом задумалась. А по-

том подытожила:

– Да на кой мне та шиншилла, сидит, воняет.

Да, в этом была суть владения домашним животным. Сидит, воняет. Соня придерживалась того же мнения. Но за ширмой пренебрежения, весьма лицемерного, надо заметить, в глубине ее души скрывалась истинная причина нелюбви – страх.

Соня боялась животных. Особенно собак. Боялась до полного отрицания и отвращения.

Все случилось, когда Соне было семь. Она шла домой из булочной с баранками к чаю. Стояла глухая зима, время было непозднее, но на улице стемнело. Мороз и пронзительный февральский ветер разогнали прохожих по домам. От магазина до дома – рукой подать, всего-то – пустырь перейти. Бодрым шагом минут пять.

Довольная жизнью Соня выбежала из магазина с булбукком в одной руке и пакетом – в другой. Посмотрела влево-вправо – нет ли машин, как ее учили дома. Не было не только машин, но и вообще никого. Впереди лежал обезлюдевший пустырь.

Она шла, грызла баранку и думала о чудесных конфетах в шуршащих фантиках, которые, должно быть, сейчас достанут к чаю. Может быть, даже плитку шоколада с орехами.

От радости она засмеялась и поскакала вприпрыжку, размахивая недоеденной баранкой в красной рукавчике. И ни один человек, глядя на нее, не подумал: как странно ведет

себя эта маленькая девочка. Потому что вокруг не было ни души. Даже бродячие животные куда-то подевались. Соня специально поглядела по сторонам еще раз, прежде чем перейти на радостный галоп.

Вдруг она поняла, что кто-то деликатно, но настойчиво потянул за баранку в ее красной рукавике. От растерянности Соня сразу же разжала ладошку, и баранку аккуратно вынули из ее пальцев. Она не успела испугаться, потому что почувствовала, как из другой руки у нее пытаются забрать пакет. Девочка остановилась и зажмурилась. Но стоять с закрытыми глазами оказалось еще страшнее. Тогда она прижала к себе пакет покрепче и открыла глаза.

Справа и слева стояли два здоровенных пса-близнеца и выжидающе смотрели на нее. Они были огромные и носами доставали до Сониной груди. Оба холеные, но без ошейников. Псы шумно дышали и всхрапывали на морозе, пар окутывал их треугольные, похожие на утюги, морды. Соня сделала робкий шаг по направлению к дому. Одна из морд оскалилась и подошла к ней вплотную, уткнувшись в пуговицы на пальто и бесцеремонно обнюхивая. Вторая собака встала за спиной и утробно зарычала.

В этот момент маленькая семилетняя девочка, до смерти напуганная, осознала, что плакать и звать на помощь бессмысленно. Как и бежать. Никто не спасет. А собаки взбесятся. И единственный, кто в силах ей помочь – она сама. Она в первый раз в жизни до крови закусила губу, чтобы не раз-

реветься. Сняла варежки и бросила на землю. Она старалась все делать медленно, производить минимум движений, чтобы в нее не вцепились.

Собаки кинулись к рукавичкам, обнюхали и разочарованно подступили к Соне, перегородив ей путь. Она чувствовала, как гадко пахнет из их пастей на свежем морозном воздухе. Соне стало очень жарко на ледяном февральском ветру. В полной тишине она достала из пакета первую баранку, дала понюхать одному из псов и метнула ее как можно дальше от себя. Тот рванулся было за добычей, но баранка улетела в сугроб, и пес, потоптавшись, остался на месте. И нетерпеливо уставился на Соню. Баранка пропала.

Соня взяла другую и бросила в сторону, поближе. Вот же она, смотри, какая румяная и аппетитная. Пес клюнул на приманку и с хрюканьем накинулся на нее. Со второй собакой она проделала то же самое. Чтобы добежать до баранки и сожрать ее, каждому понадобилось несколько секунд. Поэтому Соня не стала тратить время на поиск упавших варежек и поспешила в сторону дома. Впереди лежал пустырь, по-прежнему пустой. Она шла, посасывая прокушенную губу и уговаривая себя не плакать и не бежать. И не оглядываться. Она и так знала, что они вернутся. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Собаки догнали Соню, и она повторила трюк с баранками. Он снова сработал. Баранок хватило ровно до конца пустыря. Последнюю Соня разломала пополам и бросила обоим

псам одновременно. После этого они отстали. То ли наелись, то ли дальше пустыря им путь был заказан. Обычные дворовые шавки, знакомые Соне, брехливые, лохматые и мелкие, стояли за свою территорию и мусорные баки насмерть. Чужакам, даже таким огромным, не поздоровится. Они это понимали.

Дома к чаю были чудесные конфеты в шуршащих обертках и долгожданная шоколадка с орехами. Но они показались Соне пресными. Она вылезла из-за стола, бросив недопитый чай, и ушла к себе в комнату. Села у окна и смотрела на пустырь, вспоминая пережитый ужас, минута за минутой, и думая о своих пропавших рукавичках. Пришла мама. Она положила Соне ладонь на лоб – не горячий ли, и уложила ее спать.

– Какая-то ты вялая, – обеспокоено сказала мама.

Той ночью Соне приснился ее первый кошмар – бездонный туннель. Она падала в него, как Алиса в стране чудес, и ее засасывало в черную неживую бездну. Хотелось кричать, но рот был забит вязкой темнотой.

Соня начала обходить собак десятой дорогой. Котов она считала лживыми бестиями, ворами и прилипадами, а остальное зверье внимания не стоило. Животные не нашли путь к ее сердцу.

Дома про собак маленькая Соня рассказывать не стала, так и прожила эту историю в одиночку. Боялась, что отругают или отправят на страшный пустырь искать рукавички.

В Сониной семье к вещам относились с уважением, за них же деньги уплачены, они ценнее чувств и эмоций.

Глава 8.

Геша и кукла Соня

Многолетняя дружба Геши и Сони трещала по швам. Баланс долгие годы был положительный, на пользу им обоим, но последнее время резко ушел в минус.

Геша был старше на пятнадцать лет, они познакомились, когда Соня оканчивала школу. Соня встречалась с Гешиным младшим братом, сыном его тетки. Ни тогда, ни теперь она не подозревала о трагедии, пережитой Гештупельтером в отношениях с Беллой. Соня знала Гештупельтера таким, как сейчас – взрослым, бородатым, немногословным. Ветеринара и массажиста. Геша играл на скрипке? Да боже упаси, где Геша, где скрипка.

Отношения с Гешиным кузеном у Сони были короткие и неинтересные. Геша в них не вмешивался, но после разрыва с его братом он сблизился и подружился с Соней. Соне было 17, Гештупельтеру – 32. Девочка и мужчина. Он обрел в ней эмоциональность, непосредственность и чувственное восприятие мира, на которые не был способен сам, а она – полную поддержку со стороны взрослого человека. В этом нуждалась ее нестабильная подростковая психика. Геша стал тем другом, который поддерживал ее всегда, без оговорок и условий, чтобы Соня ни учинила. А по части почудить и побесить окружающих она была мастерицей.

Геша не вытирал ей слезы и сопли, как Сашке, Соне этого не требовалось, она ценила его советы, дружеское участие в ее проблемах и готовность помочь в любую минуту. Геша оставался холост, кратковременные интрижки не в счет, и Соня располагала его временем по своему усмотрению. Он ни в чем ей не отказывал. Она не видела в нем старшего брата, нет, она воспринимала его как родственную душу. Такая редкость – встретить человека, который привязан к тебе ради тебя самой, а не из-за секса, денег или личных выгод. Гешу она любила как родного. Соня смотрела на него и думала, как повезло, что он у нее есть. И в слепом эгоизме ни разу не спросила ни себя, ни его: а что он думает об их отношениях? Чего он хочет?

Поначалу Геша и сам не задумывался, чего хочет. До поры Гешу удовлетворяло его покровительство в обмен на Сонину искренность и откровенность. Дикий зверек-подросток, которого никто не мог приручить, а ему удалось. Пока Соня встречалась с сопливыми мальчишками, такими, как его кузен, он не испытывал ревности. Но Соня подросла, превратилась в роскошную фурию и в ее жизни появились не мальчишки, а мужчины. И чем больше их становилось, тем сильнее они раздражали Гештупельтера. Да и Соня перестала нуждаться в нем, как в старшем товарище, советчике и защитнике. Она научилась разбираться с этим миром и давать ему отпор.

Соня повзрослела и отдалилась, Геша все чаще чувство-

вал себя лишним в ее жизни. Он понимал, что она ускользает от него, как ускользает добыча от гепарда, который не рассчитал последний прыжок и выдохся. Гештупельтер с неудовольствием понял, что Сониного доверия и дружбы ему мало. Он захотел другого – обладания и подчинения. Подчинения даже больше. Она моя, моя девочка, – говорил он себе, – была и будет.

Гештупельтер постарался вернуть свое влияние, но потерпел неудачу. Соня словно не замечала его стараний и попыток сблизиться. Гешу заводила Сониная доступность для других и легкость в смене любовников – она выбирала кого угодно, но не его. Это доводило до исступления. Геша ждал удобного момента. И момент наступил.

Геша умел лечить. Животных и людей. Животные доверчиво шли в руки этого иудейского айболита. Они чувствовали его уверенность и спокойствие, а может, их убаюкивал его голос – на приеме Гештупельтер разговаривал с пациентами и их хозяевами как со старыми, добрыми знакомыми. Здоровенный бородатый дядька, сильный и сумрачный, он умел заговорить всем клыки и зубы.

– Скотине нужен примитивный подход, – считал Геша. – Установи с животным зрительный контакт, успокой его, послушай, как оно дышит, как бьется сердце, ощути его боль, недоверие и страх. И зверь сам подскажет, где у него неполадки. Жаль, с людьми так не работает. – Геша лукавил. С людьми работало. Но только с женщинами. С мужчинами

он общался мало и постоянной дружбы ни с кем не поддерживал.

Геша чувствовал тонкую женскую природу – Беллино наследие. Все точки боли, физической и ментальной. Он безошибочно ставил диагнозы, словно был терапевтом, а не ветеринаром. В разговоре Гештупельтер сразу понимал, что собеседница раздражена, хоть и пытается это скрыть. А причина раздражения – в головной боли, которая началась из-за спазма мышц шеи. Геша мог без предупреждения прервать разговор на полуслове, подойти, прощупать шейные позвонки, помассировать пару точек, и голова собеседницы успокаивалась, раздражение уходило.

Когда Гешу спрашивали – как он определяет проблемные зоны, он затруднялся с ответом. Хотя прекрасно понимал – как. Он просто видел их, точнее – ощущал поле человека, считывал его эмоции, настраивался на его волну. Как с животными: ощути дыхание, послушай, как бьётся сердце, почувствуй его недоверие и боль. Создай тишину в уме и настройся на чужую волну, как радиоприемник.

С Соней Гешино мастерство буксовало. Он не мог просканировать ее состояние, не мог управлять им. Соня считала Гешу близким человеком и была открыта, но до пределов, которые назначала сама. В этом она походила на покойную Беллу, что бесило Гештупельтера еще больше.

На сеансах массажа Гешины пациентки раздевалась до гола. Никаких бюстгалтеров и трусов. Если клиентка Геше

правилась, сеанс мог закончиться сексом. Во время массажа Геша решал, хочет он ее или нет. Он работал с чужим телом и сознанием, как с мягкой глиной, создавая нужное состояние. Встраивался в энергетический и эмоциональный поток своих клиенток, чувствуя то же, что чувствуют они, находясь в его руках. Его тело оставалось у массажного стола, а сознание и ощущение – ныряло в пациенток. А потом в них оказывалось и все остальное, к удовольствию обеих сторон.

Это было личное Гешино шаманство, которое добавляло огня в его жизнь. Гештупельтер был привлекателен, в прекрасной физической форме. Перед ним не могла устоять ни одна женщина, если только она позволяла к себе прикоснуться. Тем более раздетая, расслабленная, лежащая на массажном столе. Ни одна, кроме Сони.

Секс для большинства людей – тактильный уровень. Тело плюс тело, без объединенного сознания и общего потока энергии, в котором можно плыть, отключившись от реальности. Геша умел объединять эти потоки, делая их чувственней и ярче. Он направлял своих партнерш от одного удовольствия к другому, как умелый кормчий. Мягко и деликатно. За всю массажно-сексуальную практику Геша не получил ни единого отказа. Интим его клиентки воспринимали как завершение массажной процедуры, ее финальную часть. Без лишних вопросов и недовольства. Выходило так, будто секс был их личной прихотью, которую Геша выполнил. Лишь однажды его спонтанная любовница спросила:

– Геша, а ты любил? Хоть раз?

Гештупельтер пустился в долгие и пустые объяснения про жизнь массажиста, который не принадлежит себе или семье. Не позволяет специфика работы и прочее-разное. По-нес чушь про помощь людям в ущерб своим интересам семьянина. Она его перебила:

– То, что ты говоришь – про мастерство, а не про любовь. А я спрашиваю про любовь. Геша, ты зажигательно трахаться, правда. Мастерски. А любить ты умеешь?

Геша много лет не задавался подобными вопросами. Он знал, что умеет извлекать из послушных, расслабленных массажем женских тел нужные ему вибрации. Как из музыкальных инструментов. Геша испытывал огромное удовлетворение от власти, которую приобретал над другим человеком, подчиняя себе чужие душу и тело, превращая их в послушную глину. Лепи, что хочешь. Играй, как вздумается. Используй, как нравится.

Катастрофа разразилась, когда на массаж пришла Соня. Она жаловалась на боли в спине, и Геша понял – вот он, шанс. Соня знала, что он раздевает своих пациенток донага, без фальшивого смущения и кокетства она скинула одежду и села на массажный стол в чем мать родила.

– На спину или на живот? – буднично уточнила Соня. Конфета в развернутом виде с больной спиной.

– На живот, – только и смог ответить Геша, стараясь не смотреть ей в глаза.

Глядя на раздетую Соню, Гештупельтер силился понять, чем она привлекает его столько лет подряд. Его, не способного на привязанности и глубокие чувства. Единственная, к кому его тянуло невыносимо и иррационально, была Белла, которая терзала его, вызывая дикое напряжение. И под конец чуть не убила. С Соней все по-другому, но как, он не понимал. Он знал только, то хочет ее до изнеможения, и все. В свою безраздельную собственность.

Геша стоял и не верил, что Соня – здесь, голая, в его умелых руках. Он смотрел на нее, молочно-белую в полумраке комнаты, и мысленно трогал руками. Прикасаются не спешил. Не мог решиться на то, чего так ждал. Время шло, Геша бездействовал. Он боялся дотронуться до Сони и потерять самоконтроль.

Его сомнения оборвала Соня, которая не отличалась долготерпением. Она подняла голову, посмотрела на застывшего Гештупельтера и спросила:

– Ты заснул? Или у нас сеанс бесконтактного массажа? Что происходит?

– Ничего, – поспешил ответить Геша и прикрыл глаза, стараясь обрести внутреннее равновесие и не выдать нахлынувших эмоций. Он провел руками над Сониной спиной, не касаясь кожи, в поисках зажимов и спазмов. Он определял их как энергетические потоки, завязавшиеся в тугие узлы. Геша читал ладонями Сонину спину, не пропуская ни сантиметра.

У Геши сразу закололи кончики пальцев, будто он сно-

ва взял в руки скрипку. Его затопило забытое, мучительное и восторженное воспоминание. Пальцы, а вслед за ними и все его тело вспомнили томительный восторг от игры. Кожа на Гешиных руках покрылась мурашками. Они побежали вверх к груди, а оттуда — в сердце. Он прикасался к тёплой Сониной коже, а осязал деревянную лакированную поверхность скрипки, которую убил в припадке ярости. Его скрипка была с ним, его первая любовница и мучительница. Молочно-белая в полумраке комнаты, она в истоме вибрировала в его руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.